

Засечная черта

Автор:

Иван Алексеев

Засечная черта

Иван Алексеев

Дружина особого назначения #3

Русь воюет на два фронта. На западе стремится вернуть свои древние прибалтийские земли, на юге – отражает набеги кочевников Дикого Поля.

Царь Иван Васильевич, подозревающий в заговоре лучших воевод и при этом уверенный в своей политической гениальности, считает, что ему удалось умиротворить турецкого султана и подчиненных ему крымских ханов, и перебрасывает на запад войска с южных рубежей. На Засечной черте, на левом берегу Оки, против стотысячной орды остается лишь горстка пограничников, ополченцев и дружинников из тайного Лесного Стана.

Иван Алексеев

Засечная черта

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Чайки орали невероятно. Но Разик привык к их крикам еще год назад, хотя иногда ему казалось, что это было в другой жизни, и не обращал ни малейшего внимания на весь этот безобидный шум. А вот Олежа, сидевший на веслах, слегка ерзал, вертел головой в промежутках между гребками, прислушивался и принюхивался.

– Господин полусотник, чем это так пахнет? – наконец спросил он.

– Во-первых, не «господин», а «брат». Ты ведь теперь строевой боец, леший, а не дружинник из учебного отряда. А во-вторых, это пахнет морской рыбой. Здесь рядом с военным расположен и рыбацкий порт. Пока мы шли сюда из Лесного Стана, в крупные гавани не заходили, все больше вставали в укромных и безлюдных бухтах, вот тебе и не пришлось такие ароматы обонять, – назидательно произнес Разик и скомандовал: – Суши весла!

Его команда чуть-чуть запоздала. Разик в следующую секунду понял это, попытался исправить положение, действуя рулем, но ялик все же ткнулся в причал слишком сильно, с коротким резким стуком. Олежу качнуло спиной вперед, но он тут же справился с инерцией, выпрямился.

«Михась пришвартовался бы мягко и беззвучно», – подумал Разик и вновь ощутил на сердце глухую щемящую тоску.

Они вышли на доски причала, на всякий случай привязали ялик, хотя лодчонка была старенькой и неказистой на вид, и вряд ли на нее кто-либо мог польститься.

– Ну что ж, боец, пойдём, – скомандовал Разик уже по-английски.

– Йес, сэр!

Молодых дружинников, прошедших итоговые испытания в Лесном Стане, в заморщину, как правило, сопровождали бойцы особой сотни – особники. Присутствие Разика, строевого полусотника, в качестве сопровождающего было

вызвано необычностью именно данной поездки в Англию, в славный город Портсмут, хотя в общем-то эти поездки считались делом рутинным. Разик, нарушив субординацию, сам напросился на роль сопровождающего, обратившись напрямую в Большой Совет Лесного Стана. Такой поступок полусотника, честно и настойчиво делавшего карьеру командира и видевшего в этом весь смысл своей жизни, стал неожиданным для большинства окружающих. Ведь он не просто лез не в свое дело, что в любом воинском формировании, особенно в дружине особого назначения, мягко говоря, не поощряется, а еще и тем самым намеревался пренебречь своими прямыми служебными обязанностями. Но дружиной тайного воинского Лесного Стана руководили исключительно умные люди, и те, кому положено, порыв молодого полусотника оценили и поддержали, ибо прекрасно поняли, что Разик стремится выполнить тяжкий долг перед памятью своего друга.

Легким стремительным шагом лешие миновали территорию порта и вышли в город. Разик никогда не был в Портсмуте, он проходил свою заморщину на севере Англии, но в цепкой памяти командира намертво отпечатались карта-схема местности, нарисованная Фролом, поэтому он двигался уверенно, будто шел по давно знакомым местам. Вечер был серым и сумрачным, с моря уже надвигался легкий туман, и Разик смог разглядеть вывеску трактира «Морской лев» только тогда, когда они очутились непосредственно перед ней. Полусотник решительно толкнул тяжелую дверь, и лешие вошли в просторное помещение с высоким потолком, в котором царили обычные для такого рода заведений шум и дым.

Впрочем, при их появлении на пороге заведения шум на секунду прекратился. Дым, естественно, остался на прежнем уровне. К вошедшим почти сразу бросился один из помощников трактирщика, долговязый малый в белом, довольно чистом фартуке, разносивший напитки и закуски по столам. Сейчас он держал в руке лишь пустой поднос.

– Прошу прощения, джентльмены, – свистящим полушепотом выпалил сей достойный работник английского ресторанного бизнеса. – В этом трактире собираются военные моряки, самые отчаянные, из абордажных команд и морской пехоты, и у вас, штатских лиц, могут быть неприятности. Здесь рядом, за углом, есть другой трактир, тихий и уютный.

– Благодарю, любезный, – спокойно ответил Разик. – Но мы с приятелем желаем отужинать именно здесь.

И, небрежно отстранив рукой трактирного слугу, попытавшегося все же загородить им путь, Разик спокойно, не спеша двинулся в глубь трактира, откровенно и пристально разглядывая посетителей, словно разыскивая кого-то, кого он раньше не встречал, но должен был узнать по описаниям. Олежа шел за ним как тень, чуть сзади и левее, то есть прикрывал с тыла и фланга.

– Эй, приятель! – из-за ближайшего столика поднялся здоровенный матрос в вольготно расстегнутом мундире, с лицом, уже изрядно покрасневшим, в полном соответствии с количеством выпитого рома. – Я вообще не люблю штатских, а в особенности таких, которые не понимают добрых слов. Вам же по-хорошему велели убраться отсюда!

И тут Разик увидел тех, кого искал. Ошибиться он не мог. Мундиры сержантов флагманской морской пехоты, телосложение, лица, особые приметы. Описания Фрола были точными и исчерпывающими. И Михась тоже часто рассказывал о них. И сидели все трое на самом почетном месте, на возвышении, огороженном невысоким барьером. Четвертое место за столом было свободно, но никто в переполненном трактире, очевидно, не собирался на него претендовать.

Разик взглянул на Олежу, слегка кивнул ему. Молодой леший тут же выступил вперед и встал перед забиякой. Он, в отличие от худощавого Разика, был настоящим русским богатырем, высоким, широкоплечим. Волосы его были теплого пшеничного цвета, открытый взгляд серых глаз излучал честность и искренность, лицо располагало к себе широкой улыбкой сильного и доброго человека. В нем было что-то трогательное, почти детское: и чуть припухшие губы, и ямочка на подбородке. Бедные английские леди! Штабелями будут падать они вокруг русского дружинника.

Олежа и сейчас, стоя перед угрожавшим им матросом, улыбался, но глаза его были чуть прищурены, взгляд слегка напряжен.

– Послушай, приятель, – спокойно и вежливо обратился он к матросу, – ты, наверное, хочешь подраться?

Матрос смерил его оценивающим взглядом, хмыкнул и с короткой усмешкой, но вместе с тем и с неким уважением к такой откровенности и наглости бросил:

– Пойдем!

Они вышли в центр зала, на пустое пространство возле трактирной стойки. Шум прекратился, внимание присутствующих сосредоточилось на предстоящем зрелище.

Разик тем временем решительно прошел за барьер и без приглашения уселся на свободное четвертое место, предназначенное для почетных посетителей. Трое сидящих за столом взглянули на него вопросительно, с насмешливым любопытством кошек, взирающих на забредшую к ним в гости мышь.

Разик кивком головы указал на Олежу, встающего в боевую стойку против забияки матроса, и сказал спокойно, будто беседовал со старыми друзьями:

– Это Олежа. Но вы, господа сержанты, можете звать его Джек. Джек Русс.

При этих его словах три сержанта флагманской морской пехоты молча переглянулись и как по команде развернули стулья, чтобы удобнее было наблюдать за предстоящим поединком. Самый молодой из сержантов налил в кружку рома и поставил ее перед Разиком, подвинул ему тарелку с яствами, жестом пригласив располагаться и угощаться.

Между тем матрос привычно и уверенно принял боксерскую стойку, сделал ложный выпад левой и тут же провел, вернее, попытался провести сокрушительный удар правой. Олежа ушел легко и изящно и на отходе нанес короткий удар стопой по колену опорной ноги противника. Матрос охнул, повалился на пол и скорчился.

– Сдается мне, что нечто подобное я уже видел в этом самом месте пару лет назад, – задумчиво произнес один из сидевших за столом для почетных гостей. – Не так ли, сержант Том Мэрдок?

– Точно так, сержант Паркс, – ответил Том и невольно потер рукой колено.

А Олежу в это время уже атаковали четверо или пятеро друзей обиженного им матроса. Леший двинулся по залу грамотно, так чтобы перед ним всегда находился только один противник, мешавший остальным, и контратаковал сам,

стремительно и эффективно. Захват, удар, бросок, залом, подсечка. Число завсегдаево, валявшихся на полу, росло, но и число желающих наказать наглеца штатского не уменьшалось. Казалось, на Олежу вот-вот навалится весь трактир. Силы были явно не равны.

– Ну все, стоп! Матросы, «стоп» была команда! – рявкнул третий сержант так, что звякнули медные сковороды и тазики, висевшие на стене возле стойки перед входом на кухню, и обратился к Разику: – Зови своего Джека Русса. И пусть захватит себе стул.

– А почему он не прыгал через столы и не махал ногами в воздухе, как Майк... извиняюсь, как лейтенант Майкл Русс? – словно размышляя вслух, поинтересовался сержант Паркс.

– Михась, то есть Майк, был не просто боец, а еще и артист, – голос Разика невольно дрогнул.

В этот момент подошел Олежа, и это «был» ускользнуло от внимания сержантов. Олежа встал по стойке «смирно», поприветствовал присутствующих четким наклоном головы. Разик тоже поднялся:

– Джентльмены, позвольте вам представить Олежу, то есть Джека Русса, кузена храброго сержанта Фроула Русса и лейтенанта Майка Русса. Он мечтает, как и его родственники, служить в Ее Королевского Величества флагманской морской пехоте.

– Ну что ж, – пожал плечами сержант Паркс, – кузен будет допущен к испытаниям...

– А после того, – перебил Паркса Том Мэрдок, – как он успешно их пройдет, в чем лично я нисколько не сомневаюсь, этот парень будет зачислен в мой взвод, – и, предвидя вполне резонные возражения, Том торопливо добавил: – Прошу прощения, джентльмены, но мне первому пришла в голову эта мысль.

– Разрази меня гром, Том Мэрдок, – сержант Коул поднялся с места и выпрямился во весь свой немалый рост, – когда ты еще драил клотик, служа в своей абордажной команде, и даже не мечтал быть зачисленным во флагманский экипаж, мы, старые сержанты флагманской морской пехоты, уже установили

очередность поступления Руссов в наши взвода. Прошлый раз Майк был зачислен к Парксу, сейчас, естественно, моя очередь. А твое место пока что ниже ватерлинии. Однако мы забыли представиться нашим гостям.

– Это излишне, джентльмены, – остановил его Разик. – Мы прекрасно знаем вас заочно, по рассказам Фрола и Майка. А вот я, простите, действительно не представился. Вы можете называть меня Ричард. Я – названный брат Майка Русса.

Они обменялись рукопожатиями, расселись за столом.

– Как там Фроул и Майк? – спросил сержант Мэрдок.

– Передают вам всем горячий привет, – лаконично ответил Разик. – Надеюсь, что с ними все в порядке, ибо мы с кузеном долго находились в плавании и не имели вестей с родины.

Он произнес эти слова с видимым усилием, стараясь подавить в себе чувство горькой безысходной тоски.

– Позволь спросить, Ричард, – обратился Паркс к Разику после того, как они, дружно чокнувшись, выпили и закусили. – Что привело тебя в наши края? Насколько я понимаю, ты вовсе не собираешься поступать на службу в морскую пехоту. И вообще, ты больше похож на командира, чем на рядового.

– Так и есть, сержант Паркс. Я имею офицерский чин в гвардии нашего русского князя, а здесь нахожусь по делу. У меня есть поручение от Майка к леди Джоане.

– К леди Джоане! – хором воскликнули Паркс и Мэрдок.

– Она такая красавица... – мечтательно произнес Том.

– Лучше помолчи, сержант Мэрдок, а то еще ляпнешь что-либо неподобающее, – сурово перебил его воспоминания о чем-то весьма впечатляющем сержант Паркс.

– Вы случайно не знаете, где леди Джоана может пребывать в настоящий момент? – осведомился Разик.

– Нет, не знаем, – ответил за всех сержант Паркс. – Но это не проблема. Сегодня же вечером по возвращении на корабль я поговорю с нашим командиром, лейтенантом Сэдли. Его связывает с леди давняя дружба. Ну а сейчас предлагаю выпить за здоровье юного кузена наших боевых товарищей, достойного кандидата во флагманский экипаж морской пехоты!

Олежа, так ни разу и не встрявший в беседу старших по званию, лишь улыбнулся в ответ искренней доброй улыбкой, чем завоевал дополнительные симпатии трех сержантов Ее Королевского Величества флагманской морской пехоты.

Поместье леди Джоаны располагалось в глубине небольшого, но очень красивого старинного парка, обнесенного невысокой каменной стенкой, построенной из замшелых валунов. Ворота поместья были распахнуты. Разик натянул поводья, остановился перед воротами, но затем пришпорил свою лошадь и беспрепятственно въехал на посыпанную красноватым песком дорожку, ведущую к дому. Возле широкой парадной лестницы стоял чей-то конь, явно благородных кровей, с роскошной сбруей и высоким седлом, богато украшенным серебряными и золотыми позументами. Разик слегка удивился, что конь не был отведен в конюшню, видневшуюся неподалеку от дома, кто-то привязал его прямо к мраморным перилам лестницы.

Поскольку ни привратника, ни слуги, ни вообще кого-либо из людей в обозримом пространстве не наблюдалось, Разик, не долго думая, привязал свою лошадь к той же импровизированной коновязи, взбежал по широким ступеням, постучал в высокую дубовую дверь.

Он прождал довольно долго и уже решил было попытаться проникнуть в дом самостоятельно, как створка медленно приоткрылась и из-за нее выглянуло сморщенное лицо старого лакея.

– Леди Джоана никого не принимает, – вместо приветствия прошамкал он каким-то безнадежным голосом, в котором звучали, пожалуй, даже нотки отчаяния, и попытался захлопнуть дверь прямо перед носом лешего.

– Но позволь, любезный. – Разик поставил ногу на порог. – Как это леди никого не принимает? Чей же тогда конь привязан здесь, внизу? Наверняка это гость!

Лакей пробормотал нечто нечленораздельное, но явно нелицеприятное, в адрес то ли упомянутого гостя, то ли всех гостей, вместе взятых, включая и самого Разика.

Но леший плыл и ехал за тридевять земель вовсе не для того, чтобы препираться со слугами через закрытые двери. Он решительно дернул ручку на себя и, не обращая внимания на негодующие восклицания и протесты лакея, вошел в дом. В небольшом холле располагалась лестница, ведущая на галерею второго этажа, вдоль которой виднелось несколько дверей. Одна из дверей оказалась открытой, и Разик, взбежав по лестнице, не задумываясь, вошел и очутился в комнате с лепным потолком, высокими светлыми окнами и изящными креслами вдоль стен. Очевидно, это была приемная хозяйки поместья. В одном из кресел сидел джентльмен в небесно-голубом камзоле и ярко-желтых панталонах. Его шляпа, украшенная густым пестрым плюмажем из каких-то диковинных перьев, валялась на соседнем кресле. На коленях джентльмен держал устрашающе длинную шпагу в отделанных мелким жемчугом ножнах. Разик решил, что это и есть хозяин коня, привязанного к перилам.

При виде вошедшего дружинника джентльмен поднялся, вернее, вскочил и, опираясь на эфес шпаги, нагло уставился на него засверкавшими глазами.

– Чему обязан вашим вторжением, сэра?! – с явной угрозой в голосе прорычал он.

– Лично мне вы ничем не обязаны ни в малейшей степени, сэра, – пожал плечами Разик. – Я приехал к леди Джоане.

– Вам же наверняка сказали, что леди никого не принимает! – прежним угрожающим тоном заявил гордый обладатель желтых панталон.

– Позвольте осведомиться, сэра, а вы-то кто, собственно, такой?

– Я – сэра Томас Боуленский, жених леди Джоаны!

Разик не то чтобы растерялся, но все же был слегка озадачен столь решительным и твердым заявлением. Ему почему-то не верилось, что Джоана могла предпочесть Михасю это чудо в перьях. Но в жизни может случиться всякое, даже самое невероятное событие.

– Я должен поговорить с леди, – спокойно и твердо произнес дружинник.

– До вас, сэра, здесь было четверо желающих с ней поговорить. Но всем им пришлось иметь дело с моей шпагой! – самозванный жених с лязгом выволок из ножен здоровенный клинок. – Трое из них отправились напрямиком на кладбище, и лишь один оказался удачливее и попал к лекарю. Лично вас, сэра, какой вариант больше устраивает?

Скрипнула, отворяясь, дверь, ведущая из внутренних покоев, и в приемную вбежал дворецкий в роскошной ливрее, со связкой ключей – признаком его должности – на широкой шелковой ленте, перекинутой через плечо. Его лицо было бледным и осунувшимся.

– Сэр Томас, умоляю вас! – отчаянно воскликнул он. – Не надо больше крови, вы все равно этим ничего не добьетесь! Леди не желает о вас слышать!

– Вот оно что, – с некоторым облегчением усмехнулся Разик. – Мне представляется, сэра, что вы поторопились зачислить себя в родственники хозяйки поместья, – и, повернувшись к дворецкому, спросил: – Не слишком ли сей джентльмен злоупотребляет вашим гостеприимством? Может быть, ему пора уже покинуть дом?

– Но как заставить его это сделать? – почему-то полупшепотом произнес дворецкий. – Сэр Томас явился сюда просить руки леди сразу же после того, как закончился траур по поводу кончины ее отца. Ему было еще тогда отказано в аудиенции, но он поклялся не покидать приемной до тех пор, пока леди не соизволит выслушать его. Всех остальных претендентов, приезжающих к леди, он просто убивает. Когда сэр Томас уходит для еды и отдыха, его заменяют сообщники и слуги – настоящие головорезы.

– Хватит болтовни! Защищайся! – взревел сэр Томас и встал в позицию, направив шпагу на Разика.

Полусотник не шелохнулся и вновь обратился к дворецкому:

– Вы спрашиваете, каким образом этот герой может покинуть дом? Я вижу всего два способа: через дверь или через окно.

– Ты что, издеваешься надо мной? – заорал сэр Томас. – Шпагу наголо, несчастный трус, или я, клянусь преисподней, заколю тебя, как барана!

– Послушай, придурок, – в голосе Разика только теперь зазвучали стальные нотки. – Я – профессиональный воин и никогда не балуюсь с оружием. Если я обнажаю клинок или ствол, то только с одной целью: убить врага. Но я просто не хочу марать свои руки и паркет леди Джоаны твоей вонючей кровью! Пошел вон, пока цел!

Конечно, Разик не ожидал, что после произнесенной им тирады, абсолютно искренней и правдивой, сэр Томас устыдится и покинет оккупированное помещение. Напротив, леший рассчитывал, что противник тут же бросится на него очертя голову. Именно так и произошло. Сэр Томас с похвальной быстротой и ловкостью сделал длинный выпад. Леший еще более стремительным пируэтом ушел влево, пропустив лезвие шпаги мимо груди и сблизившись с противником, захватил кисть, чуть продернул вперед, в направлении выпада. Естественно, сэр Томас инстинктивно дернулся назад, и на этом движении тут же получил залом и подсечку. Тренькнула об пол шпага, выпавшая из руки несостоявшегося жениха, а сам он с размаху треснулся мордой о ручку кресла, на котором столь величественно восседал пять минут назад.

Разик подхватил его безвольное тело одной рукой за поясной ремень, другой – за шиворот, без видимых усилий поднял и выкинул в распахнутое окно.

– Способ номер два, – сказал он дворецкому. – Извините, если испортил вам какую-нибудь клумбу. Я не успел поинтересоваться, что находится под окном.

– Не извольте беспокоиться, сэр, – пробормотал потрясенный дворецкий. – Я скажу садовнику, и он приведет все в порядок... Позвольте осведомиться, какова цель вашего визита? Если вы, как и все, пришли добиваться руки леди Джоаны, то должен вас огорчить: у леди уже есть жених, она ждет только его и никого не принимает.

Разик вновь ощутил холодный тяжелый толчок тоски и отчаяния под самым сердцем.

– Передайте леди, что я прибыл к ней из России с известием о ее женихе, – с трудом выговорил он.

Дворецкий одну-две минуты растерянно и недоверчиво смотрел на Разика, затем всплеснул руками, тихо охнул, резко повернулся и, неуклюже приседая на полусогнутых ногах, помчался куда-то в глубь дома, забыв затворить за собой дверь.

Разик, застыв неподвижно, почему-то вытянувшись в струнку, как в строю, стоял и смотрел в темный проем двери, в котором скрылся дворецкий. Вскоре он различил стремительно приближающийся легкий шелковый шорох платья по навощенному паркету, и в приемную вбежала девушка с неприбранными светлыми, чуть рыжеватыми волосами, волной распущенными по плечам.

В первую секунду Разик ощутил некоторое разочарование. Он ожидал увидеть сказочную красавицу, а тут – обычная девушка. «Нет, никто по красоте не может сравниться с Катенькой», – заключил он.

Джоана стояла молча, судорожно сжав ладони поднятых к груди рук. Разик медленно поклонился ей русским земным поклоном.

– Леди Джоана, я – Разик, названный брат вашего жениха, Михася.

При этих словах Джоана побледнела, пошатнулась, оперлась рукой о спинку кресла, стоящего подле двери, в которую она только что вбежала.

– Что с ним? – ее голос был чуть хриловатым и совершенно безжизненным.

– После боя он пропал, и мы до сих пор не можем его найти.

Разик почему-то не стал говорить леди Джоане, хотя секунду назад и собирался это сделать, что растерзанное тело в серо-зеленой особой форме бойца тайной лесной дружины было выставлено опричниками на всеобщее обозрение на Красной площади стольного града государства Российского – белокаменной

Москвы.

– Как это случилось? – слова Джоаны доносились, казалось, издалека, из черной и мрачной бездны, из которой нет возврата.

– Десяток, которым я командовал, был выставлен в заслон на лесной дороге, возле маленькой речки. Мы должны были продержаться до вечера. Опричников, то есть врагов, было слишком много. Мы выстояли, но половина бойцов были тяжело ранены, и мы не могли просто так уйти с ними в лес, оторваться от преследования. Я, я сам!.. – Разик прокричал эти слова сквозь судорожно сжатые зубы, затряс головой, из его глаз брызнули слезы. – Я сам приказал Михасю прикрывать наш отход. Лучше него никто не мог бы этого сделать. Я был ранен в обе руки. Мы уходили и слышали выстрелы из пистолей, взрывы ручных бомб... Мы оторвались, нас никто не преследовал, но Михась так и не догнал отряд. С тех пор его никто не видел.

Джоана, к изумлению Разика, облегченно вздохнула и спокойным голосом приказала неслышно появившемуся в приемной зале дворецкому:

– Вильям, соберите мои вещи, я отправляюсь с этим джентльменом в Россию, на поиски своего жениха.

Разик ожидал чего угодно, но только не этого. Отважный полусотник тайной дружины Лесного Стана, многократно попадавший в смертельно опасные ситуации, в которых он сам всегда действовал быстро и решительно, вдруг растерялся.

– Но, леди Джоана... – начал было он, но девушка перебила дружинника:

– Во-первых, зови меня просто Джоана, поскольку ты – лучший друг, практически – брат близкого мне человека. Во-вторых, если ты откажешься меня сопровождать, я отправлюсь в путешествие одна.

– Поступаю в ваше распоряжение, миледи... то есть Джоана. – Разик невольно поднес руку к берету и подумал про себя: «Ого! Да ей решительности и властности, пожалуй, хватит даже на то, чтобы командовать сотней!»

Впрочем, он тут же вспомнил рассказ Михася о том, как Джоана, узнав о болезни отца, находящегося в далеких вест-индских колониях, тут же отправилась за океан с эскадрой адмирала Дрейка, чтобы самой ухаживать за ним. И внезапно дружинник, предпринявший за прошедшие несколько месяцев невероятные усилия, чтобы узнать подробности о судьбе друга, но так и не добившийся успеха, ощутил прилив надежды. А что касается того обезображенного тела на площади, то еще особник Фрол, оставленный в Москве для работы под прикрытием, доносил в Стан, что никаких признаков, что это тело Михася, он не обнаружил. А вот один комплект формы тайной лесной дружины у проклятых опричников был.

Леди Джоана прервала его размышления:

– Что-то я не вижу здесь моего страстного поклонника сэра Томаса, пожелавшего во что бы то ни стало добиться моих капиталов и нагло воспользовавшегося тем, что у меня нет ни отца, ни братьев, и мало слуг в этом поместье. Я уже послала гонца за людьми в мой главный замок и после их прибытия собиралась проучить хама. Однако я начинаю подозревать, что гонец был перехвачен по дороге. Ну а где же сам сэр Томас, этот отважный завоеватель одиноких девушек?

Разик пожал плечами, молча указал на распахнутое окно.

– Ну, конечно! – усмехнулась Джоана. – Ты же друг Михася, русский дружинник. Уж вы-то всегда защитите даму!

Внезапно в комнату вбежал, по-прежнему смешно подпрыгивая на полусогнутых ногах, дворецкий Вильям с вытаращенными от страха глазами.

– Миледи, сэр Томас с дюжиной своих слуг-головорезов врывается в наш дом! Слышите! – Он дрожащей рукой указал на входную дверь, уже выбиваемую снаружи мощными ударами какого-то тяжелого предмета.

Разик нахмурился:

– Дюжина? Многовато. Придется валить их всерьез. Джоана, насколько я помню, по законам Англии защищаться в своем собственном доме ты можешь любыми средствами, и ворвавшиеся в частное жилье личности могут быть уничтожены

без суда?

Джоана кивнула.

– Быстро прячьтесь в комнатах, а мне придется повоевать.

Разик стремительно сбежал вниз по лестнице в холл, выхватил из ножен саблю и встал сбоку от двери, которая вот-вот должна была рухнуть под напором осаждавших. Но прежде чем полусотник вступил в схватку, перед его глазами внезапно возникла на мгновение лесная дорога, пересекавшая ее речушка с топкими берегами и бревенчатый мостик, перекинутый через нее. Здесь он со своим десятком и лучшим другом Михасем, служившим под его началом в звании головного, вот так же готовился принять бой с превосходящими силами противника.

Позиция их была очень удачной, именно поэтому Дымок, начальник отряда, выполнявшего особое задание по сохранению национального достояния России – царской библиотеки – и предотвратившего ее вывоз за границу, выставил первый заслон именно здесь. По его расчетам, на преследование отряда с бесценным грузом Малюта Скуратов мог бросить не менее трех-четырёх тысяч опричников и стрельцов.

Опоры моста были уже подпилены и заминированы. Бойцы, расположившись в естественных укрытиях, изготовили мушкеты к стрельбе. Разик тоже лежал за небольшой кочкой, намотав на ладонь тонкий прочный линь, протянутый к mine, установленной на опоре, и соединенный с кремниевым замком, искра которого должна была воспламенить пороховой заряд.

Авангард колонны преследователей показался из леса примерно через час после того, как десяток встал в заслон. Они неслись широкой рысью, плотным строем в колонну по три, держа пики и сабли на изготовку. Разик лишь усмехнулся, взглянув на это бесполезное в данной конкретной ситуации холодное оружие, грозный блеск которого, по-видимому, возбуждал в его обладателях уверенность в собственной силе и храбрости. Когда первые три или четыре шеренги всадников влетели на мост, десятник, резким движением отведя вытянутую руку далеко в сторону, дернул линь. Короткий мощный грохот прокатился по речушке, вспугнув стаи болотных птиц. В дыму и пламени исчез и

сам мост, и находившиеся на нем опричники. Дернулись в разные стороны, вскинулись на дыбы, сбрасывая седоков, кони, оказавшиеся в момент взрыва перед самым мостом. Голова колонны, уже вытянувшаяся из леса на открытое пространство, потеряла стройность, шеренги перемешались, сбились в кучу, представлявшую удобную мишень.

– Огонь! – скомандовал Разик, и десять мушкетов дружно выплюнули свинцовую картечь, врезающуюся в самую гущу растерянных обескураженных врагов.

Паника усилилась. Давя друг друга, горе-вояки ринулись назад, в лес, оставив на дороге, на поляне перед мостом многочисленные трупы людей и лошадей. Там ржали и бились, пытаясь встать, раненые кони, дико орали раненые опричники, брошенные своими дружками на произвол судьбы.

Но Разик и все бойцы его десятка прекрасно понимали, что это был лишь кратковременный успех, вызванный фактором внезапности, и им вскоре предстоит нелегкий бой. Главной их задачей было задержать врага как можно дольше, чтобы дать время отряду с тяжелым обозом оторваться от погони.

Тактика дальнейших действий противника была примерно ясна. Однако она в значительной степени зависела от опыта и профессионализма командиров. Среди опричников, несомненно, были достаточно опытные полководцы, например те же Басмановы или князь Вяземский. Но все же они больше привыкли к резне беззащитного мирного населения собственной страны, нежели к упорной и жесткой войне с хорошо подготовленными отважными бойцами. И опричники сделали то, что соответствовало их привычкам и ухваткам, то есть поперли напролом в надежде на свою удачу и трусость тех, кто рискнул оказать им сопротивление.

Толпа всадников с гиканьем и свистом вновь вылетела из леса и попыталась форсировать речушку с ходу. Но кони вязли по колесо в топкой пойме, передние мешали задним, а лешие, конечно же, незамедлительно, не жалея боеприпасов, открыли беглый огонь. Они вновь уничтожили больше трех десятков опричников, и те опять откатились назад, в лес, потеряв не только часть личного состава, пусть сравнительно небольшую, но и самое главное – драгоценное время.

Теперь противник, убедившись, что наскоком заслон с позиции не сбить, наверняка станет его выдавливать всей массой, начнет медленное, но верное наступление пешим строем. Действительно, вскоре на дороге и на опушке леса замелькали красные кафтаны, и, разворачиваясь из колонны в плотные шеренги, с пищалями на изготовку, стрельцы двинулись к реке. Пологий береговой склон давал численно превосходящему противнику огромное тактическое преимущество. Несколько шеренг могли стрелять одновременно, не с колена, не с руки, а прямо с подпорок, поскольку каждая задняя шеренга находилась выше передней.

Десяток Разика был накрыт мощным прицельным огнем. Залп следовал за залпом, лешие палили в ответ и несли потери, поскольку под градом пуль невозможно было безнаказанно поднять ни голову, ни руку. От их огня падали стрельцы, но на место упавших в шеренгах тут же вставали другие, подходившие сзади, по-видимому подгоняемые угрозами и саблями опричников, привычно прятавшихся за чужими спинами.

Передние шеренги уже вошли в реку и брели по колено в воде. Заслон, который практически выполнил свою задачу, был обречен. Один дружинник лежал неподвижно за невысоким, наспех сделанным бруствером, будто мирно спал, обняв мушкет, как в детстве обнимал любимую игрушку. Серо-зеленый берет свалился с его русой головы, и на светлых волосах запеклись темной кровью сразу два входных пулевых отверстия. Еще трое бойцов получили тяжелые ранения. На легкие раны, имевшиеся практически у всех, попросту не обращали внимания. У самого Разика была прострелена левая кисть и правое плечо. Превозмогая боль, десятник бросил быстрый взгляд на солнце, уже наполовину закатившееся за вершины деревьев, и скомандовал:

– Готовимся к отходу! Даем последний залп и сразу в лес! Выносим раненых и убитого. Михась, прикрой отход, тебе оставим все гранаты и пистолы. Продержись минут десять, брат! И беги, Михась, беги! Уводи их от нас, ты сможешь!

Дым от мушкетного залпа на пару секунд скрыл дружинников от взоров нападавших, позволил им совершить быстрый рывок в спасительный лес и укрыться за стволами деревьев. Разик, которому наспех перевязали раны, бежал что есть сил и слышал, казалось, лишь свое хриплое надрывное дыхание. Но глухие раскатистые взрывы бомб, прогремевшие через две-три минуты, конечно же, отчетливо донеслись до его слуха. Затем еще через пару минут он различил

характерные сухие хлопки пистолелей...

Дверь рухнула, и толпа вооруженных людей ворвалась в холл. Разик ощутил прилив дикой ненависти и злобы, ему почему-то представилось, что это те же опричники, нагло уверенные в своей силе и безнаказанности, которые убили Михася и теперь домогаются его невесты. Тремя ударами сбоку и со спины он заколол троих, прежде чем остальные заметили его и развернулись навстречу. Разик стремительно двинулся вдоль стены овального холла, прикрывая спину и как бы убегая от численно превосходящего неприятеля. Как он и рассчитывал, некоторые из нападавших, находившиеся сзади и сбоку остальных, инстинктивно дернулись ему наперерез, и непосредственно против него осталось всего четверо или пятеро. Неожиданно резко остановившись, дружинник круговым движением сабли отрубил кисть ближайшему противнику, одновременно отбил направленные на него клинки и тут же, используя контрподкрутку взведенной, как пружина, руки, нанес неожиданный рубящий удар снизу вверх. Рухнул на мраморные плиты холла еще один противник, а Разик прыгнул вперед, в брешь, образовавшуюся в шеренге нападавших, и, приземляясь, почти не глядя, рубанул саблей за спину наотмашь. Даже сквозь громкие яростные вопли растерянных врагов было отчетливо слышно, как глухо ударилась об пол отрубленная голова.

Разик кинулся было вверх по лестнице, но, взбежав всего на несколько ступенек, неожиданно перепрыгнул через перила и вновь зашел во фланг и тыл нападавшим, пораженным и обескураженным таким ходом схватки и лишь мешавшим друг другу. Легкий, изящно изогнутый черненый дамасский клинок казацкой сабли дружинника, выписывая замысловатые петли, разил беспощадно и наверняка. Через две минуты все было кончено.

– Получите, гады! – выкрикнул Разик по-русски, все еще охваченный прежним порывом яростной ненависти, когда последний враг, разрубленный от плеча до половины груди, рухнул на ступени лестницы.

Он мстил за пропавшего друга, продолжал тот неравный бой на маленькой подмосковной речке против проклятых опричников, терзавших многострадальный и безропотный русский народ. Он твердо верил, что на тех, кто вознамерился обижать слабых и беззащитных, рано или поздно найдется управа.

Краем глаза уловив какое-то движение наверху, Разик вскинул голову и увидел Джоану, вышедшую на галерею. Девушка, побледнев как полотно, застыла неподвижно, пораженная открывшимся ей ужасным зрелищем. Дружинник наконец опомнился, опустил окровавленный клинок.

– Джоана, – пробормотал он запинаящимся голосом, – тебе лучше пока уйти отсюда. Кликни слуг, пусть они приберут...

И, слегка пошатываясь, Разик вышел во двор, всей грудью вздохнул прохладный, пропитанный влагой воздух и побрел на лужайку. Там он тщательно вытер саблю, которую все это время крепко сжимал в руке, о густую темно-зеленую траву и, наконец, вложил ее в ножны.

Разик прилег на этой мягкой лужайке, закинул руки за голову, попытался успокоить дыхание, расслабиться, снять напряжение, нахлынувшее после тяжелой схватки. Однако долго отдыхать ему не пришлось. Стук копыт, вначале слабый и едва слышный, близился и стремительно нарастал. Разик вскочил на ноги, встал лицом к воротам усадьбы. Через несколько минут в ворота на полном скаку ворвался эскадрон гвардейской кавалерии с саблями наголо. Во главе эскадрона скакал пожилой полковник с пышными усами. К изумлению Разика, рядом с полковником на огромном вороном коне неслась маленькая леди. Она уверенно держалась в дамском седле, была одета в элегантное темно-зеленое платье для верховой езды, а вооружена лишь хлыстом.

Дружинник, положивший было руку на эфес сабли, разжал ладонь. Леди и полковник как будто были ему знакомы. Во всяком случае, он не раз слышал рассказы про них. Кавалеристы, оставив даму позади, красивым слаженным маневром окружили Разика, направили на него клинки своих длинных палашей.

Командовавший отрядом полковник, грозно нахмутив брови, прорычал хриплым басом:

– Шпагу на землю, парень! Где твой хозяин, этот прохвост Боуленский?

– У меня нет хозяина, я – офицер гвардии русского князя!

– Что?! – одновременно воскликнули полковник и маленькая леди, немедленно протиснувшаяся на своем великане вороном в первый ряд всадников, окружавших дружинника.

– Я – офицер гвардии русского князя, друг Михася... то есть лейтенанта Майка Русса. А сэра Боуленский, осмелившийся вторгнуться в поместье леди Джоаны, вместе со своими приспешниками убит мной в честном бою.

В этот момент из дверей дома, вернее, из дверного проема, поскольку обе створки были выбиты нападавшими и просто валялись на полу, показалась сама Джоана.

– Алиса! – воскликнула девушка и бросилась вниз по ступеням навстречу отважной всаднице.

– Джоана! – воскликнула маленькая леди и обратилась к кавалеристам: – Снимите же меня скорее с этого слона!

– Позвольте предложить вам опереться на мою руку, леди Алиса. – Разику, естественно, удобнее всех было помочь даме спешиться.

Однако полковник, одним легким молодеватым движением соскочив с седла, опередил дружинника, привычно подхватил леди Алису обеими руками за талию, как пушинку, и бережно поставил ее на землю.

– Благодарю тебя, дорогой, – леди Алиса одарила мужа улыбкой, полной любви, и бросилась в объятия Джоаны.

– Джоана, милая, какой ужас! Лесник наших соседей случайно обнаружил в глухой чащобе твоего гонца, раздетого и избитого, еле живого! Мой полковник, получив известие, что тебе грозит опасность, немедленно поднял дежурный эскадрон, и мы бросились на выручку! Этот ужасный негодяй Боуленский с шайкой своих приспешников запугал почти всех джентльменов в округе, а теперь дошел до неслыханной наглости, принялся силой домогаться беззащитной девушки! Но мой полковник показал бы ему, чем отличается забияка дуэлянт от боевого офицера! – Леди Алиса погрозила в пространство маленьким кулачком, затянутым в перчатку из тончайшей светлой замши, и, почему-то понизив голос, спросила: – Правда ли, что этот гвардеец русского

князя сумел защитить тебя и расправился с негодяями?

- Да, - односложно ответила Джоана, явно не желая вдаваться в ужасные подробности.

- Дорогая, - леди Алиса ласково обняла Джоану, погладила ее по голове, как маленького ребенка, хотя для этого ей пришлось встать на цыпочки, - ты столько натерпелась за последние дни, твой дом пострадал. Тебе стоило бы переехать на время в наш замок, отдохнуть и отвлечься от неприятных воспоминаний.

- Спасибо, Алиса! Я с благодарностью воспользуюсь твоим гостеприимством. Только дай мне пару часов, чтобы уложить вещи, подготовиться к путешествию.

- К какому путешествию? - удивилась маленькая леди. - До нашего замка?

- Нет, Алиса. Я сегодня переночую у тебя, а наутро отправлюсь в Россию, на поиски моего пропавшего жениха. Господин гвардеец, его друг, - Джоана повернулась к Разику, - любезно согласился меня сопровождать.

Леди Алиса изумленно воззрилась на подругу:

- Джоана, ты ведь недавно чудом избежала гибели, отправившись за океан, а теперь вновь хочешь искушать судьбу, бросаясь в неведомые дикие земли?

- Ну, не такие уж они неведомые, - мягко возразила Джоана. - Насколько мне известно, лондонские купцы с недавних пор ежегодно ездят торговать в Россию, и не только в приморье, на окраины, но и в самую столицу.

- Полковник, - леди Алиса в растерянности обратила взор к мужу, ища у него поддержки, - ты слышал?! Джоана в одиночку отправляется на край света! В Вест-Индии ее хотя бы охраняла целая эскадра. Изволь немедленно отговорить эту юную наивную особу от такого сумасбродства!

- Но, дорогая, - возразил полковник, честный и прямой, как большинство старых служак. - Леди Джоана едет вовсе не одна, а в сопровождении этого храброго гвардейца! Скажите, господин офицер, - извините, что не знаю вашего

чина, – сколько именно противников, я имею в виду негодя Боуленского и его сообщников, билось против вас сегодня?

Разик пожал плечами:

– Что-то около дюжины. Честно говоря, я не считал.

– Ого! Надеюсь, вы расстреляли их из пистолей из-за укрытия?

– Нет, это был сабельный поединок.

– И вы один положили их всех?!

Разик молча кивнул.

– Ты слышала, Алиса? – воскликнул потрясенный полковник. – Он заколол дюжину молодцов, каждый из которых в одиночку нагонял страх на всех окрестных джентльменов!

– Леди Алиса совершенно правильно сказала несколько минут назад, что боевой офицер не чета задире дуэлянту. Я – боевой офицер и привык сражаться с численно превосходящим неприятелем, а не куражиться над мирным населением, – спокойно произнес дружинник.

– Позволь тебе напомнить одну вещь, Алиса, – обратилась к подруге Джоана. – Пусть меня, как ты выразилась, в вест-индских морях охраняла целая эскадра, но спас от злодеев всего один человек: лейтенант Майк Русс. Теперь я должна спасти его. И его друг, как вы уже, наверное, убедились, не даст меня в обиду.

Леди Алиса грустно вздохнула:

– Ну, что ж, ты всегда была такой. Доброй и нежной, но вместе с тем смелой и решительной, когда того требовали обстоятельства. Пожалуй, мы можем доверить тебя господину гвардейцу... Кстати, ты нам его так и не представила.

– У него сложное имя, – улыбнулась Джоана. – На слух я его запомнила, поскольку это имя часто повторял Майк, но вряд ли способна правильно произнести.

– Зовите меня Ричард, – Разик также улыбнулся широко и искренне.

Полковник убедился в том, что вероятный противник и в самом деле уничтожен, и отпустил эскадрон в казармы. Через час маленькая кавалькада из двух всадников и двух всадниц с одной вьючной лошадью, нагруженной багажом леди Джоаны, направилась в поместье бравого кавалерийского полковника, которое его жена, леди Алиса, гордо именовала замком. Он располагался всего в десятке миль от поместья Джоаны, как раз по дороге в Портсмут. Главное строение действительно имело форму маленького замка с башенками и рвом, но не имело никакого фортификационного значения. В его архитектуре просто отдавалась дань традициям старины. Впрочем, дом был вместительным, удобным и позволял гостеприимным хозяевам принимать в нем большое количество друзей, как офицеров кавалерийского полка, которые частенько обедали у своего горячо любимого командира, так и многочисленных родственников и знакомых из самых что ни на есть аристократических кругов английской знати.

Но в этот вечер в просторной и вместе с тем уютной столовой, выгодно отличавшейся от мрачных огромных трапезных настоящих древних замков, ужинали лишь четверо. Леди Алиса велела никого не принимать, ибо понимала, что ее подруге Джоане было сейчас не до светских разговоров. Тем не менее маленькая леди старалась окружить гостью и ее спутника заботой и добротой, развлечь и помочь избавиться от мрачных мыслей.

Первое время беседа за столом явно не клеилась. Джоане было не до праздных рассуждений, а Разик деликатно молчал в малознакомом, хотя и весьма приятном обществе. О трудностях предстоящего путешествия, понятно, никто не хотел говорить.

Леди Алиса, желавшая во что бы то ни стало разрядить обстановку и развеселить молодых людей, решительным тоном приказала официанту принести из погреба лучшего бургундского вина, приберегаемого для особо торжественных случаев, и наполнить кубки до краев. Но Разик и Джоана едва пригубили драгоценный напиток. Лишь полковник с готовностью опорожнил поднесенный ему бокал и явно жаждал продолжения.

– Дорогой, – леди Алиса явно не собиралась сдаваться и пускать дело на самотек, – ты ведь знаешь уйму веселых историй. Изволь позабавить наших гостей. Гвардейцу русского князя будут наверняка интересны рассказы о его коллегах из английской гвардии.

– Но, дорогая, – изумился храбрый полковник, забыв даже о возжеленном бургундском, заманчиво искрящемся перед его глазами в хрустальном графине, – ты же сама всегда осуждала военные анекдоты, называя их казарменными шутками и солдафонским юмором.

– Я уверена, что при нашей юной гостье ты не перейдешь ту грань, за которой забавная история становится пошлостью.

Полковник, действительно любивший поговорить на армейские темы даже в хорошем обществе, согласно кивнул и, как опытный стратег, решил извлечь из ситуации двойную пользу.

– Конечно, дорогая, раз ты настаиваешь... Однако что-то у меня пересохло горло, – он притворно закашлял.

Леди Алиса, поняв, что ей нечем парировать этот ловкий обходной маневр храброго кавалериста, собственноручно налила и поднесла ему бокал, впрочем наполненный далеко не так щедро, как это сделал бы прислуживавший за столом лакей, не говоря уж о самом полковнике.

Полковник не спеша, смакуя каждый глоток, выпил бургундское, вытер пышные усы белоснежной салфеткой, приосанился. В его глазах зажглись лукавые искорки.

– Пару месяцев назад наша гвардейская кавалерийская дивизия готовилась к знаменательному событию, королевскому смотру. Сэр Ричард, несомненно, понимает всю торжественность и ответственность момента, а для дам поясню: это все равно что готовиться к встрече жениха. Генерал лично руководил подготовкой, гонял нас, как говорится, в хвост и в гриву. И вот наступает то самое утро. Полки дивизии выстроились на плацу, ждем Ее Королевское Величество с лорд-канцлером, главнокомандующим и свитой. Тем временем в соседнем полку замечаю некую суету, в первом ряду явно какая-то нестыковка.

Приглядываюсь и замечаю, что отсутствует корнет. Ну, Алиса его наверняка знает, это молодой сэр Генри Кемпфорд, третий сын лорда Кемпфорда. Они, конечно, постарались сомкнуть ряды, но корнет – фигура особенная, при полковом штандарте. Генерал последний раз осматривает дивизию и опытным взглядом замечает отсутствие корнета. Естественно, он сразу же спрашивает командира полка громовым голосом: «Где этот... – Алиса, я помню о нашей юной гостье! – Где этот... корнет?»

И тут на плацу появляется всадник, едва держащийся в седле, в кое-как застегнутом сикось-накось мундире, в шляпе, нахлобученной задом наперед. Он приближается к строю полка, и все узнают в нем того самого корнета, молодого сэра Генри. От него за милю разит вином, и – прошу меня извинить, леди Джоана! – женскими духами. Он тем не менее как ни в чем не бывало – еще бы! сын лорда Кемпфорда! – подъезжает к генералу, отдает честь и заплетающимся языком просит разрешения встать в строй.

Генерал, побагровев от гнева, взревел, как иерихонская труба: «Как ты... – Алиса, я все помню! – посмел напиться перед королевским смотром?!» А сэр Генри отвечает ему с видом оскорбленной невинности: «Ваше превосходительство! Я вовсе не пил вина! Мне его насильно влили в рот! Я мужественно отбивался! Смотрите, все лицо исцарапано!»

Полковник оглушительно захохотал и как бы ненароком протянул руку к графину. Однако его попытка была пресечена на корню.

– Дорогой! Леди Джоана еще не пробовала нашей спаржи! – заявила леди Алиса. – Будь любезен, подай ей блюдо. К тому же Джоана и Ричард совсем не пьют. По-видимому, твое хваленое бургундское недостаточно выстоялось и пришлось им не по вкусу.

– Во все нет, Алиса, вино великолепно! – протестующе воскликнула Джоана. – Но ты же знаешь...

– Ах, да, конечно, – леди Алиса как будто только что вспомнила нечто связанное с Джоаной и спиртными напитками и обратилась к Разику: – Представляете, Ричард, когда Джоана с Майком, отбив флагманский фрегат у испанцев, неделю разыскивали в океане свою эскадру, у них на борту совсем не было воды и им приходилось пить только ром!

Полковник тяжело вздохнул, пробормотал что-то невнятное и потянулся было к графинчику, но леди Алиса решительным жестом пресекла его попытку.

– Дорогой, ты же не хочешь пробудить в леди Джоане кошмарные воспоминания? Раз никто не пьет... Доббинс, уберите графин.

Полковник проводил вожаделенный сосуд печальным взглядом и совсем было собрался загрузить, как леди Алиса с милой кокетливой улыбкой положила свою ладонь на его руку.

– Мой полковник! Ваше мужество и самоотверженность будут вознаграждены. Сегодня же. – Она слегка зарделась, потупила глазки.

Полковник расцвел и, собрав всю свою волю в кулак, опорожнил единым духом целый стакан чистой воды. Слава Богу, здоровье ветерана было все еще крепким, и его организм довольно легко пережил столь непривычную встряску.

Между тем добрая леди Алиса не оставила своих попыток развлечь гостей.

– Представляешь, Джоана, мне иногда в голову приходят странные смешные мысли. Например, я жалею, что с вами там, на флагманском фрегате, не было моего первого мужа, ныне покойного, – она набожно перекрестилась. – Бравого морского офицера. Уж он-то точно не испытывал бы никаких мучений, утоляя жажду исключительно ромом. Кажется, последний раз в жизни он пил воду за день до своего шестнадцатилетия и поступления в морской кадетский корпус.

Повисла неловкая пауза. Полковнику такого рода воспоминания, очевидно, не доставили ни малейшего удовольствия. Джоана также не пришла в восторг от шуток подруги.

– А отчего умер ваш первый муж? – желая выручить леди Алису и как-то поддержать беседу, невпопад спросил Разик.

– Увы! На одном из банкетов он отравился печеньем.

– Какая ужасная смерть!

Леди Алиса, желая во что бы то ни стало загладить свою неудачу и достичь желаемой цели, пошла на крайние меры и прибегла к последнему средству.

– А еще должна вам сказать, Ричард, что на том самом флагмане во время совершения своего героического подвига Джоана, вынужденная лазить по всяким там трюмам, была одета в очень легкий наряд... Ну да тут все свои. В общем, была наша красавица практически в negligé. Джоана, нечего смущаться, ты, как древнегреческая богиня, совершила настоящий подвиг! Так вот, во время боя с испанским караулом, оставленным для охраны фрегата, Джоана в negligé появлялась перед испанцами, чтобы отвлечь их и предоставить трем храбрым морским пехотинцам, среди которых был и наш горячо любимый Майк Русс, возможность внезапно атаковать врага с тыла. Насколько я понимаю, именно это и решило исход дела. В общем, Джоана – настоящая героиня, непорочная дева-воительница из рыцарских легенд... Но сейчас я хочу сказать не об этом.

Леди Алиса перевела дух после весьма рискованной части своего монолога и, убедившись, что подруга вовсе не обиделась, а оба офицера, и ранее осведомленные обо всей этой истории, несколько не смутились, продолжила:

– Так вот, когда после возвращения эскадры об ее подвиге узнали у нас в Англии, это был фурор! Все светские дамы ринулись к адмиралу Дрейку с требованием немедленно включить их в абордажные команды с целью отвлечения внимания неприятеля. Некоторые даже попытались раздеться прямо на палубе флагманского фрегата, чтобы адмирал мог лично убедиться в смертоносности такого зрелища. Бедный адмирал! Адъютанты закрыли его своей грудью. Эти отважные юноши приняли удар на себя.

Наконец-то за столом раздался взрыв дружного веселого смеха. Оглушительно хохотал полковник, по-видимому, наглядно представивший страдания несчастных адъютантов. Смеялась Джоана, сбросившая груз напряжения последних дней и часов. От души смеялся Разик, оценивший веселый юмор весьма понравившейся ему доброй и остроумной маленькой леди. И конечно же, смеялась залиvisto и радостно сама леди Алиса, все-таки добившаяся того, чтобы из глаз ее любимой подруги Джоаны исчезла хоть ненадолго черная тоска и печаль.

Ужин закончился в непринужденной обстановке, и на следующее утро полковник и леди Алиса проводили своих гостей, хорошо отдохнувших,

зарядившихся надеждой и бодростью, в тяжелое и опасное путешествие, конец которого был непредсказуем. Полковник, глядя вслед всадникам, уносившимся по дороге на Портсмут, долго вздыхал и теребил усы, а леди Алиса, помахав им на прощание рукой, направилась в часовню, где долго и истово молилась Господу, прося Его спасти и сохранить путешественников.

А на причале их провожал самый что ни на есть почетный караул, которым может похвастаться далеко не всякий адмирал: три сержанта флагманской морской пехоты и Олежа. Он был уже в соответствующем мундире, но даже самый большой размер, который с трудом разыскали на складах, оказался все же слегка маловат этому русскому богатырю. Молодой леший по-прежнему улыбался своей искренней и теплой, немного детской улыбкой и восторженно смотрел на леди Джоану, которой заочно восхищался весь Лесной Стан.

– Знаешь, Ричард, – сержант Паркс, на прощанье пожимая руку Разика, слегка задержал его ладонь в своей. – Мне почему-то кажется, что этот ваш Ольежа превзойдет и Фроула, и – страшно сказать – самого лейтенанта Майка. Такого славного парня я еще не встречал!

– Ну что ж, дорогие друзья! Надеюсь, мы с вами со всеми еще встретимся, а в особенности – с Олежей. А сейчас – прощайте... Вернее – до свидания!

Челн скользил по серой холодной воде стремительно и бесшумно. Лес, подступавший к самым берегам, поражал своей дикой первозданной суровостью. Темно-зеленые ели и лиственницы высились плотной непроходимой стеной на участках с хорошей почвой, а на болотах чахлые деревья с редкими кронами торчали, кренясь в разные стороны, навевая уныние и тоску. Эти неприятные чувства никак не могла побороть в себе Джоана, уже третий день путешествующая по запутанной сети рек и озер Русского Севера.

Флотилия из пяти челнов встретила их в устье довольно большой реки. Перегрузка людей и кое-каких товаров с борта судна, вернувшегося из Англии, не заняла много времени, и вскоре Джоана, сопровождавший ее Разик и другие дружинники двинулись под парусами и на веслах вверх по реке. Джоана ожидала, что вскоре лес, тянувшийся вдоль реки, закончится, покажется деревня или город, в котором они смогут переночевать, но на протяжении целого дня пути она не заметила ни малейших признаков пребывания в этом

лесу человека, не говоря уж о каких-либо поселениях. «Дичь и глушь» – как скажет почти три века спустя русский поэт, причем даже не о северной, а о вполне центральной России. Впрочем, и сейчас, в наше время, на большей части территории бесконечной русской северной тайги и тундры мало что изменилось, если не считать изредка появляющихся в небе самолетов и вертолетов.

Джоана содрогнулась от мысли о том, что ей придется заночевать в этом жутком лесу. И когда челны пристали к берегу на ночевку, она долго не хотела выходить на берег. Однако Разик с доброй понятливой улыбкой все же уговорил ее покинуть челн, выйти на сушу размять ноги. На небольшой галечной косе, к которой пристала флотилия, уже раскинулись шатры. Грунт под ними был устелен густым еловым лапником, так и манившим прилечь на мягкую и теплую зеленую хвою. Весело пылал костер в очаге, наскоро сооруженном из небольших валунов. В котелках, подвешенных на рогульках, булькала, закипая, аппетитная уха из только что пойманной рыбы. Дружинники хозяйничали в этом лесу, как у себя дома. В общем, Джоана с аппетитом поужинала, а затем даже и выпалась. Ее укрыли легким и чрезвычайно теплым одеялом из шкурок каких-то неведомых ей пушных зверьков, и девушке было совсем не холодно, только кончик носа, выставленный наружу, замерз, поскольку ночью, удивительно светлой и больше похожей на поздний вечер, слегка приморозило. Разик потом сказал, что ей повезло, они путешествуют именно ранней осенью, и хорошо, что уже холодно, поскольку нет гнуса. Джоана не поняла, что такое гнус. Разику она, естественно, поверила, но все-таки лес по-прежнему подавлял и даже пугал ее.

Джоана взглянула на небо, затянутое тяжелыми свинцовыми тучами, явно собиравшимися вот-вот пролиться холодным дождем, и зябко поежилась, несмотря на то что сидела в челне под крохотным навесом, сооруженным специально для нее, и была укутана тем же чудесным меховым одеялом. Обернувшись, девушка встретилась взглядом с Разиком, державшим румпель и направлявшим челн по знакомому фарватеру. Дружинник ответил на ее взгляд ободряющей улыбкой.

– Ничего, Джоана, осталось уже совсем чуть-чуть. – Он также бросил взгляд на небо. – Надеюсь, что мы успеем до дождя.

И действительно, через полчаса узкая протока, по которой двигались челны, разлилась в большой плес или даже в озеро, и на скалистом берегу показалась изба, сложенная из толстенных потемневших бревен, с высокими оконцами и резным петушком, укрепленным на гребне двускатной крыши. От избы к озеру

вела добротная лестница с широкими ступенями и крепкими перилами, переходящая в довольно большой причал на сваях, по толщине не уступающих бревнам, из которых была сложена изба. Это было первое человеческое жилье, которое Джоана увидела за три дня пути. Она обрадовалась этой избе, будто сказочному замку.

На причале их уже ждали. Джоана увидела высокого стройного человека с седой бородой, одетого в монашескую рясу непривычного покроя. Рядом с ним стоял, как показалось Джоане, юноша или даже подросток в такой же серо-зеленой одежде, как и у сопровождавших Джоану дружинников, только берет у него был черного цвета.

Челны пришвартовались к сваям. Командовавший флотилией дружинник ловко выпрыгнул на доски причала, четким строевым шагом подошел к монаху, отдал рапорт. Тот ласково кивнул, отпустил дружинника, затем повернулся в сторону Разика и Джоаны, приветствовал их гостеприимным жестом. Разик помог девушке выбраться из суденышка на причал, и они направились к встречавшим. Полусотник, как и предыдущий дружинник, вытянулся перед монахом и также принялся рапортовать. Джоана, хотя и начала еще на судне, сразу после отплытия из Англии, учить русский язык, не поняла сути доклада, но совершенно справедливо заключила, что монах – какой-то большой начальник. И еще ей почему-то показалось, что, отдавая рапорт, Разик непрерывно бросал взгляды на стоявшего рядом с монахом юношу.

Монах, конечно же, взгляды эти тоже заметил и с доброй улыбкой произнес:

– Вольно, полусотник! Поздоровайся с бойцом особой сотни Катериной.

– Здравствуй, Катенька, – с запинкой, смущенно произнес Разик сдавленным голосом.

– Здравствуй, Разик! – Катька без тени смущения шагнула к дружиннику, обняла его и чмокнула в щеку.

Джоана наконец догадалась, что это не юноша, а девушка в мужском военном обмундировании.

– Ты – Кэт, сестра Майка? – воскликнула она.

Девушка улыбнулась, кивнула утвердительно, а монах ответил по-английски:

– Да, дочь моя. Это Катерина. Мы рады приветствовать тебя на русской земле.
Я – дьякон Кирилл.

– Здравствуйте, святой отец, – Джоана почтительно склонила голову.

– Ну что ж, дети мои, идите в дом, вам следует отдохнуть с дороги. Полусотник, и тебя это касается. А челны отправятся далее, до самого Лесного Стана, – добавил он уже по-русски.

Хотя снаружи изба, в которую Джоана вошла вместе с Разиком и Катькой, выглядела, мягко говоря, не так эффектно, как каменный замок, внутри она была несравненно более уютной и теплой, чем любая зала даже самого помпезного замка. Возможно, кто-либо другой сравнил бы деревянные палаты русской избы с каютой на большом океанском корабле, но у Джоаны с корабельными каютами были связаны не очень приятные воспоминания. А вот в избе ей как-то сразу понравилось. Девушку усадили на широкую скамью возле теплой печки. Она привыкла к каминам, в которых ярко пылал огонь, но от пламени, обжигающего вблизи, было мало толку уже в нескольких шагах, и зимой в каменных замках всегда было холодно. А здесь огня не было видно, топка печи находилась в соседнем помещении, служившем кухней, поэтому Джоана долго не могла понять, почему от белой кирпичной стены, к которой она прислонилась спиной, исходит столь приятное тепло.

Разик, увидевший изумление на лице девушки и догадавшийся, что именно ее удивило, объяснил владетельной английской леди устройство русской печи. Он даже сопровождал ее на экскурсию в кухню и соседние комнаты, также обогреваемые этой самой печью, огромной и весьма эффективной, в отличие от любого камина.

Катерина в это время хлопотала по хозяйству, собирая на стол. Вскоре к ним присоединился дьякон, отправивший флотилию челнов в дальнейшее плавание.

– Прошу к столу, гости дорогие! – пропела Катерина звонким красивым голосом и начала было повторять то же самое по-английски, но Джоана перебила ее:

– Не надо! Я уже мало понимать по-русски.

Они расселись за простым столом, сработанным из гладко струганных досок. Посуда на нем была деревянная, расписная. Особенно Джоане понравились ложки. Кушанья были незнакомые, но чрезвычайно вкусные и сытные. Еще Джоану, отнюдь не бедную хозяйку замков, поместий и заокеанских плантаций, поразило щедрое обилие этих самых кушаний. Она постоянно ожидала, что в избу сейчас придет еще два десятка гостей, для которых и предназначалась вся эта снедь, но едоков было только четверо.

– Ну что, дочка, – дьякон Кирилл налил Джоане очередную кружку квасу, видя, что этот напиток явно пришелся по вкусу гостье, – давай-ка побеседуем о цели твоего визита.

– Я намерена разыскать моего пропавшего без вести жениха, Майка... Михася, – твердо и решительно произнесла Джоана.

– Но Разик наверняка сообщил тебе, что мы его уже искали. И поверь мне, делали это очень тщательно и настойчиво.

– Да, я знаю, – кивнула Джоана. – Но я все равно его отыщу.

Кирилл посмотрел прямо в глаза девушке долгим пристальным взглядом.

– Ну что ж, – наконец произнес он. – Мы тебе поможем. Тем более что наш священный долг – разыскать своего бойца. Живого или мертвого.

При этих его словах Джоана не вздрогнула, не заплакала.

– Нет, – твердо и уверенно сказала она. – Михась жив. Я это чувствую.

Катька, сидевшая рядом с леди Джоаной, крепко обняла ее и поцеловала:

– Спасибо, Джоана, спасибо, сестренка!

– Хорошо, – задумчиво произнес дьякон Кирилл. – Теперь нам следует обсудить детали. Катерина, проводи леди в ее покои, она устала с дороги и нуждается в

отдыхе. Тем более что ей вскоре предстоит весьма долгий и нелегкий путь.

Когда девушки вышли, Кирилл обратился к Разику уже не тем ласковым тоном, каким он разговаривал с Джоаной, а жестким и требовательным:

– Что скажешь, полусотник? Есть смысл продолжать поиски?

– Она верит, – задумчиво произнес Разик. – И я тоже поверил ей, вновь надеюсь на успех. Конечно, особники там все обыскали тщательно, облазили весь лес и деревеньки на десять верст вокруг. Как говорится, землю носом рыли, но все-таки времени у них было мало. Нельзя ведь после такого дела, как увоз царской библиотеки, пусть и отнятой у чужеземных послов, оставаться в окрестностях Москвы. Да и работали они под прикрытием, больше сил тратили на конспирацию, чем на сами поиски.

– Ну что ж, может, ты и прав. И хорошо, что вы оба верите в успех. Вера – это главное. Она способна творить чудеса. Это я тебе говорю и как лицо духовное, и как начальник особой сотни, – голос дьякона был суров и торжественен.

Дьякон Кирилл был человек не просто умный, но и мудрый. Обладая аналитическим умом, проявляя, где того требовали обстоятельства, холодную расчетливость, он в то же время привык доверять своей и иногда – чужой интуиции. Так он поступал в особо сложных случаях, когда формальная логика была заведомо неэффективна.

– В общем, готовься, полусотник. Возглавишь поисковый отряд.

– Спасибо, отец дьякон! – радостно воскликнул Разик и, перейдя на деловой тон, осведомился: – Скольких людей мне дашь и кого именно?

– Возьмешь свой бывший десяток вместе с его новым командиром, Желтком. Все равно этот десяток недоукомплектован. Головной этого десятка, Михась, числится пропавшим без вести. И на его место, как я понимаю, ты пока никого назначать не собираешься.

– Так точно, отец дьякон!

– И еще дам я тебе в придачу одного бойца особой сотни. Катерину, естественно.

– Одного особника мало, отец дьякон, – попытался поторговаться Разик, испытывавший смешанные чувства при этом известии.

Конечно, назначение Катерины в поисковый отряд было событием вполне ожидаемым и понятным. Разик желал этого всей душой, он хотел постоянно быть рядом с любимой девушкой, особенно после сегодняшнего поцелуя, который...

Нет, сейчас не время предаваться подобным мыслям! А с другой стороны, он прекрасно понимал всю степень ответственности, лежавшую на включенном в отряд особнике, который всегда находится впереди, зачастую без прикрытия, и подвергается наибольшей опасности.

– Отец дьякон, – Разик почти умолял Кирилла, хотя ранее ничего подобного по отношению к вышестоящим начальникам он себе позволить не мог. – Дай еще хотя бы одного своего бойца!

– Ничего, – понимающе усмехнулся дьякон, легко прочитавший все мысли Разика, так и не высказанные вслух. – Одной Катерины будет вполне достаточно. Ну а если дойдете до Москвы, то там встретитесь с Фролом. Он вам подсобит, если возникнет необходимость.

Разик вздохнул с некоторым облегчением:

– Спасибо и на этом.

– Теперь о том, что будешь делать после... – дьякон чуть запнулся, поскольку хотел было сказать «после того, как найдешь или не найдешь Михася», но передумал и подобрал более правильную формулировку: – После выполнения задания. Так вот, чтобы вам не ерзать впустую туда-сюда, пойдешь со своими людьми на усиление нашего отряда, стоящего на южном рубеже против Дикого Поля, то есть на Засечную черту. Приказ ясен?

Разик поднялся, встал по стойке «смирно».

– Так точно! Разреши задать еще один вопрос? – и после утвердительного кивка дьякона продолжил: – А почему мы сразу не повезли леди Джоану в Лесной Стан, а оставили здесь, на заимке?

– Да мы и сейчас ее в тайный наш город не повезем. Неизвестно ведь, станет ли она женой дружинника, – жестко и безапелляционно ответил дьякон. – И отряд твой, вернее, десяток Желтка подойдет завтра к вечеру сюда, на заимку. Я уже передал приказ с отплывшими челнами. Отсюда и двинетесь, благословясь... Ну, ладно, на сегодня все слова сказаны, все дела сделаны, иди-ка и ты отдохни, сынок.

Разик отдал честь и, четко повернувшись через левое плечо, пошел к выходу из горницы. Но в дверях он задержался, обернулся к дьякону и произнес твердо:

– Она обязательно станет женой дружинника! Головного первого десятка первой сотни Михася.

Катька отвела Джоану в маленькую уютную горницу, хорошо прогретую теплом замечательной русской печи. Здесь помещались лишь две лежанки. На одну из них буквально упала Джоана, вымотанная донельзя предшествующими днями плавания на челне. У нее даже не было сил снять платье, она лишь распустила шнуровку.

Катька укрыла ее тонким лоскутным одеялом, погладила по голове:

– Спи-отдыхай, княжна... то есть миледи. Завтра баньку натопим, помоемся, попаримся, оденем тебя в наше русское платье, удобное да просторное. И будешь ты у нас как новенькая.

Леди Джоана, к счастью, не понявшая, какая радость ожидает ее завтра в виде русской бани с паром и вениками, заснула безмятежным сном. Катька нежно и осторожно поцеловала ее в щеку и, сняв обмундирование, улеглась на соседней лежанке.

Утро выдалось холодным, но солнечным. Джоана, выйдя из своей горенки на крылечко заимки, первый раз за время путешествия ощутила не только

суровость, но и красоту окружавшей ее природы. Вид на озеро был великолепен. Поверхность воды вся переливалась золотыми бликами. Среди темной зелени елей и лиственниц ярко желтели еще не опавшие листья берез и пламенела багрянцем листва каких-то кустарников, обрамлявших берега. Джоана, опершись на гладко отполированные перила крылечка, замороженно наслаждалась открывшейся ей картиной. Она наконец поняла, почему Михась так любил свой бескрайний северный лес.

Уловив краем глаза какое-то движение сбоку, Джоана повернула голову и увидела Катюку совсем рядом, на взгорке, каменистая почва которого была покрыта разноцветными пятнами лишайников и мхов. Девушка совершала странные, на взгляд Джоаны, движения, какие-то наклоны, приседания, прыжки. Вначале Джоана решила, что Катюка выполняет какой-то языческий обряд, но потом вспомнила, как на флагманском корабле адмирала Дрейка во время плавания через океан похожие движения совершали по утрам морские пехотинцы.

Катюка вскоре закончила разминку, легко взбежала, вернее, почти взлетела на крыльцо, встала рядом с Джоаной.

– Как спалось, сестренка? – обратилась она к Джоане по-английски, а затем повторила эту же фразу по-русски.

– Спасибо, очень хорошо, – ответила Джоана также на смеси языков.

– Сейчас пойдем позавтракаем, потом погуляем. А после обеда Разик баньку истопит, попаримся. Вечером должен прийти десяток бойцов, отряженных нам в помощь, поутру двинемся в поход. До района поисков нам не один день скакать придется.

– Ну что ж, сколько надо, столько и поскачем, – спокойно произнесла Джоана.

– Ты – молодец, Джоана. Я тебя сразу полюбила, как и Михась.

Джоане была приятна похвала этой девушки, красивой и веселой, двигавшейся с кошачьей грацией, выглядевшей необычайно эффектно в мужском воинском обмундировании. От нее, как и от других дружинников, исходило ощущение доброй силы и надежности. Но все равно она оставалась девушкой и к тому же

называла Джоану сестренкой. Собравшись с духом, Джоана наконец задала Катьке вопрос, который давно собиралась задать Разику, но так и не решилась этого сделать:

– Скажи мне, Катерина, почему Михась, когда уезжал из Англии в Россию, в свой лес, сразу не взял меня с собой? У него что, была здесь другая, русская невеста?

– Не говори глупостей, сестренка! Не было у него никакой невесты. Он в своей жизни любил... любит только тебя, одну-единственную. А не взял он тебя с собой потому, что не знал, разрешит ли ему наша церковь брак с тобой.

– Но почему? – воскликнула Джоана. – Ведь если у него никого больше не было...

– А потому что ты – леди Шелтон. У нас в Стане, то есть в нашем лесном городе, уже была одна леди Шелтон. Пятьдесят лет назад она полюбила нашего дружинника и приехала с ним из Англии. Вышла за него замуж, естественно. Родители наши, то есть мои и Михася, тому дружиннику приходились родственниками, хоть и дальними. Получается, что и мы с Михасем с Шелтонами в родстве. Вот брат и хотел вначале выяснить у монахов-летописцев, ведающих в нашем лесном монастыре родословными книгами, может ли он на тебе жениться, или ты – слишком близкая родственница, чтобы стать ему женой...

– О Господи, – Джоана, не дослушав Катьку, всплеснула руками, засмеялась и заплакала одновременно. – Так вот в чем дело!.. Я же сама рассказала ему тогда, на корабле, про иноземного принца, увезшего за море леди из нашего рода! Выходит, что вовсе это был не принц, а ваш дружинник! Значит, наши дядюшки и тетушки привирали для вящей славы семьи.

– Ну, любой наш дружинник, между прочим, никакому принцу ни в чем не уступит, – пробурчала слегка уязвленная Катька.

Но Джоана, пропустив мимо ушей ее реплику, продолжала изливать свою душу, измученную долгими месяцами сомнений и страданий:

– Бедный мой Михась! Как он мучался, переживал... Я ведь знаю, чувствую, что честнее его нет никого на белом свете! Почему же он мне ничего не сказал?

– У нас, вообще-то, зря болтать не принято, – пожала плечами Катька. – Он хотел все доподлинно выяснить, а затем уже назвать тебя невестой. Или кузиной.

Джоана вдруг вздрогнула, как от озноба, побледнела. Она медленно повернулась к Катьке, взглянула ей прямо в глаза, такие же синие, как и у нее самой. Девушки были в чем-то слегка похожи друг на друга. И Катька называла ее сестренкой.

– Так я невеста... или кузина? – с трудом произнесла Джоана.

– Да что ты, Джоаночка! Мы с тобой, как выяснилось, родственники столь дальние, что это и родством-то назвать нельзя! Церковь наша уже, считай, благословила твой брак с Михасем! Так что ты мне теперь как сестра. Sister-in-law, – добавила Катька точный английский термин, чтобы у Джоаны не возникло больше никаких сомнений на этот счет.

Джоана шагнула к Катьке, обняла, вновь зарыдала, склонив голову на ее плечо, по-детски уткнувшись носом в серо-зеленую ткань мундира.

Катька гладила ее по голове, говорила какие-то ласковые слова. Джоана плакала, и ей становилось легко и спокойно, как давным-давно, когда она точно так же рыдала от детских горестей и обид, прильнув к материнскому плечу.

Мать Джоаны умерла слишком рано, когда единственному ребенку было всего двенадцать лет. Однако она успела явить дочери бесценный пример добродетели и родительской любви, а также дать блестящее домашнее образование. Джоана жадно читала книги, как духовные, так и светские, из достаточно большой библиотеки фамильного замка, а затем принялась за освоение библиотек соседей и друзей, в которые девочку охотно пускали по просьбе ее отца – графа Шелтона.

Отец любил дочь и гордился ею. Он с показной снисходительностью относился к ее ученым занятиям, но втайне гордился тем, что Джоана разительно отличается от пустопорожних светских юных леди, у которых на уме и в речах были лишь замужества и наряды. Однако Джоану никак нельзя было назвать «синим чулком», и вовсе не потому, что до создания этого английского общества некрасивых, зато ученых женщин оставалось почти два века. Во-первых, Джоана

была если и не красавица, при первом же взгляде на которую у мужчин замирает дыхание, то все равно весьма милой и хорошенькой девушкой. Во-вторых, она была от природы особой чрезвычайно романтичной. Твердые понятия морали и нравственности, внушенные материнским примером и почерпнутые из духовных книг, удивительным образом сочетались в душе Джоаны с сентиментальностью и идеалами возвышенной любви, сформировавшимися под воздействием рыцарских романов. Но понятия о чести, долге и благородстве также были в ней весьма сильны. Она никогда не унилась бы до легкого флирта или случайного любовного похождения, которыми почти открыто гордились многие представительницы высшей аристократии.

В общем, Джоана в этом отношении весьма походила на Михася, который тоже свято верил во все, что написано в книгах, а также в незыблемость понятий чести и достоинства, за что и получил в Лесном Стане прозвище «уставной дружинник». Кстати, аналогичное прозвание, с поправкой на язык и воинский чин, он независимым образом заслужил и во время службы в отряде флагманской морской пехоты адмирала Дрейка.

Джоана и Михась духовно были близки и весьма похожи друг на друга, поэтому между ними и вспыхнуло чувство настоящей большой любви. Существует распространенное заблуждение, что притягиваются противоположности. Даже если иногда такое бывает, то относится лишь к сфере физической, то есть к внешности, комплекции, темпераменту. В сфере же духовной «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Джоана в юности решительно отвергла ухаживания сэра Джеймса, соседа, считавшегося близким другом, хотя тот, будучи весьма искушенным в деле соблазнения, прибегал ко многим ухищрениям, перед которыми должна была бы пасть невинная и неопытная дева. К тому же, неплохо зная нрав Джоаны, он довольно умело строил из себя рыцаря без страха и упрека, будучи на самом деле циничным и бессовестным негодяем. Девушка действительно мечтала о рыцаре в сияющих доспехах на белом коне, но сердце подсказывало ей, что домогающийся ее сэр Джеймс совсем не таков.

Самое удивительное, что, когда настоящий рыцарь явился, Джоана не сразу смогла его распознать, хотя мечтала о подобной встрече и готовилась к ней всю свою жизнь. Михась был в скромном мундире капрала морской пехоты, пешком и даже без оружия. Хотя заметим, что отсутствие последнего не помешало

капралу Майку Руссу справиться вначале с огромным злобным догом сэра Джеймса, а впоследствии – и с самим злодеем хозяином, и раз и навсегда избавить Джоану от грязных домогательств, направленных на обладание ее телом, землями, замками и капиталами.

Кстати, к капиталам Джоана относилась не как к высшей цели всей жизни, а лишь как к средству выполнения своего долга перед предками и потомками в деле сохранения фамильного достояния – замков и земель, – служивших поддержанию достоинства их древнего благородного рода, имеющего множество заслуг перед отечеством. Деньги были для Джоаны лишь инструментом в деле чести, ей бы и в голову не пришло тратить их на собственные прихоти и излишнюю роскошь.

У Михася капиталов, естественно, сроду не имелось, и единственным его богатством были честь и воинская доблесть. Но и он, также мечтавший о возвышенной любви, являвшейся ему в грезах в образе прекрасной девы, плывущей к нему на челне, не сразу распознал этот светлый образ в облике Джоаны. Наверное, есть на свете любовь с первого взгляда, но для этого, вероятно, необходимо чудесное и потому весьма редкое стечение обстоятельств.

Любовь и долг. Эти чувства, присущие людям честным и цельным, часто разрывают их душу, становятся источником огромного счастья, но приносят и невыносимые страдания. «Какое счастье, что ты есть! Какое горе, что тебя нет рядом!» – эти слова могли бы сказать друг другу и наверняка не раз произносили в своей душе Михась и Джоана. Но головной первого десятка первой сотни тайной дружины Лесного Стана, созданной повелением великого князя Александра Невского, не мог оставить товарищей в бою, пренебречь служением Родине и помчаться за море улаживать личные дела. Джоана точно так же не могла оставить умирающего отца и отправиться за тридевять земель со своим возлюбленным.

Но вот теперь, похоронив отца, поправив и существенно улучшив состояние фамильного наследия, Джоана оставила земли, замки и капиталы на попечение друзей, леди Алисы и ее доблестного и честного мужа, настоящего полковника, и отправилась спасать возлюбленного. В этом решении проявились другие черты ее характера, доставшиеся по наследству от предков, отважных рыцарей: решительность и властность.

Джоана, оставаясь наедине с собой или общаясь с друзьями, могла предаваться сентиментальным чувствам и романтическим настроениям. Но после смерти матери, когда все сложное хозяйство вначале одного замка, а затем и всех поместий, по сути дела, легли на ее плечи, она проявляла необходимую рассудительность и твердость. Образованность и начитанность не препятствовали, а, наоборот, способствовали ее деятельности. Все окружающие понимали, что распоряжения, отдаваемые ею, точны и целесообразны, и с готовностью выполняли указания юной хозяйки. В общем, Джоана была, что называется, настоящая леди, тонко чувствующая, деликатная, но вместе с тем властная и решительная. И ее нынешний поступок – поездка в неведомую, почти сказочную для нормального европейца Россию – выглядел, с одной стороны, романтической фантазией из завирального рыцарского романа, ну а с другой – пока реализовывался на практике наилучшим образом.

Сейчас Джоана попросту рыдала на плече у Катьки, облегчая душу, успокаивая сердце. И резкая и ехидная дружинница, боец особой сотни, обычно презрительно относящаяся к женским слабостям, молча и нежно гладила ее по голове. Очевидно, Катька постепенно начинала взрослеть.

Они завтракали втроем, поскольку дьякон Кирилл еще до рассвета отплыл куда-то в одиночку на челне. А куда и зачем – таких вопросов начальнику особой сотни задавать, мягко говоря, не полагалось. Вероятно, он отправился всего-навсего на рыбалку, но любая прихоть высокого начальства – это тоже дело государственной важности. За завтраком Джоана, ранее поглощенная своими думами и сомнениями, а теперь, после Катькиных объяснений, окончательно уверившаяся в чувствах Михася, наконец стала обращать внимание и на других людей. И тут же она обнаружила, что Разик влюблен в Катьку, причем, скорее всего, давно и фактически безответно. Отважный полусотник русской дружины, зарубивший на глазах Джоаны дюжину вооруженных до зубов отпетых головорезов, смущался, краснел и бледнел от Катькиных взглядов, в ответ на ее вопросы лепетал невпопад какие-то бессвязные слова. Катька же, словно не замечая производимого ею эффекта, весело тараторила без умолку, не проявляя ни малейшего желания как-то поддержать и приободрить очарованного ею дружинника.

Хотя, может быть, все было и не совсем так, поскольку Джоана еще плохо понимала по-русски, а Катька, обращаясь к Разику, часто переходила на родной язык. В конце концов, мучения или же радость от созерцания дамы своего

сердца – это уж кому как больше нравится – для Разика закончились, ибо Катька отправила его топить баню. Леди Джоана плохо поняла смысл последней фразы и решила, что дружинник должен утопить что-то в озере. Но вскоре она пожалела, что сама не утопилась сразу же после завтрака.

Пока Разик занимался баней, Катька отвела Джоану в горницу и принялась демонстрировать ей русские платья, в которые надобно было переодеться, чтобы потом, во время поездки по Руси, привлекать к себе как можно меньше внимания. Джоане платья не то чтобы не понравились, но и особого восторга не вызвали. Все же привычные европейские наряды были больше по душе истинной английской леди. А затем Катька с безмятежным выражением лица и доброй ласковой улыбкой предложила Джоане помыться и попариться. Ничего не подозревающая Джоана, взяв предложенные ей чудесные льняные полотенца, а такую роскошь не всякая английская дама, даже состоятельная, могла себе позволить, проследовала за Катькой. Та зачем-то прихватила с собой пару букетов из каких-то веток с сухими зелеными листьями. Они во множестве висели под крышей в сенцах.

Девушки направились к небольшой, отдельно стоящей избушке. Катька гостеприимно распахнула дверь из идеально подогнанных досок на затейливо кованых петлях, и владетельная английская леди Джоана Шелтон, хозяйка двух замков, трех поместий и пяти заокеанских плантаций, впервые в жизни торжественно вступила в настоящую русскую баню. Что поделать, ведь просвещенной Европе бани были неведомы, и Джоана всю жизнь мылась в большой лохани. Один вид этих лоханей, наполненных подозрительно мутной, редко меняемой водой, вызывал брезгливое содрогание у всех прибывавших в заморщину леших. Впрочем, юная леди Джоана была девушкой очень чистоплотной и очень состоятельной, и ей воду в лохани меняли, конечно же, каждый раз, в отличие от, например, казарм морской пехоты. И от Джоаны всегда исходил чарующий аромат юного тела, свежего и чистого, а не тяжелый и приторный запах духов и благовоний, которые выливали на себя литрами иные леди, чтобы отбить естественный запах своей не очень молодой и не очень тщательно вымытой плоти. А в дикой России, не ведавшей о существовании кельнской воды, называемой по-французски о-де-колон, не только боярыни, но и простые крестьянки мылись в бане чуть ли не каждый день. Впрочем, в культурной Европе огнедышащая русская банная печь, крутой кипяток, каменка-парилка и веники были отчасти известны, их стилизованные изображения можно увидеть на живописных полотнах художников, изображавших мучения грешников в аду. И в этот-то ад безжалостная Катька и ввела за руку ничего не подозревающую, доверившуюся ей Джоану!

Когда десяток Желтка, следовавший из стана на заимку обходной дорогой в конном строю, приблизился к месту своего назначения, до их ушей донеслись отчаянные девичьи вопли, по громкости и безысходности напоминавшие предсмертный крик.

Желток немедленно подал команду:

– Ружья с пулями и пики – к бою!

Желток с самого детства был отличным дружинником, а теперь стал прекрасным грамотным командиром. Он мгновенно прокачал сложившуюся ситуацию и принял единственно правильное решение. Наличие на заимке какого-либо врага было полностью исключено, ни один человек не смог бы пробраться через засады, заставы и заслоны, вот уже триста лет надежно прикрывавшие территорию тайного воинского Лесного Стана. Вывод напрашивался сам собой: на заимку забрел медведь-помоечник. Обычные нормальные медведи, конечно же, сторонились человека и человеческого жилья, чуя его за версту и обходя стороной. Но среди мишек в небольшом числе попадались особи, одержимые то ли исследовательским зудом, то ли еще каким редким для зверья инстинктом, которые целенаправленно вторгались во владения человека и обожали рыться во всяких отбросах хозяйственной деятельности.

Самыми доступными объектами для них были помойки, вынесенные, естественно, за пределы поселений. Мишки разбрасывали тщательно обустроенные и даже уже закопанные хранилища отходов цивилизации и вступали в конфликты с людьми, пытавшимися им помешать в этом грязном деле. Такого медведя-помоечника, повадившегося отираться возле жилья, отвадить было практически невозможно, и приходилось его убивать, поскольку огромный дикий зверь представлял нешуточную опасность для безоружного человека, не готового к встрече с ним, в первую очередь для детей и женщин, спокойно хлопотавших по хозяйству. Поэтому Желток и велел своим дружинникам привести в боевую готовность не мелкокалиберные пистолы или мушкеты с картечью, а ружья с пулями, и не сабли, а пики, которые в данной ситуации вполне могли заменить охотничьи медвежьи рога.

Однако когда десяток с пиками и ружьями наперевес на всем скаку вылетел с узкой лесной дороги на поляну, на которой размещалась заимка, бойцы увидели не зловредного медведя-помоечника, а Разика, спокойно сидящего на крылечке. Он деликатно повернулся спиной к отдельно стоящей баньке, хотя ведущая в нее дверь была с другой стороны и открывалась непосредственно на озеро, в которое можно было выскочить напрямик из парилки. Именно из этой бани и раздавались встревожившие дружинников предсмертные вопли. Окинув взглядом изготовившийся к бою десяток, Разик понимающе усмехнулся.

– Отбой тревоге! Всем спешиться и обедать, – и пояснил все еще недоумевающим бойцам: – Это не Грюнвальдская битва, это Катерина знакомит английскую леди с русской парилкой.

С шутками и смехом дружинники спешили, принялись расседлывать своих коней, снимать оружие и амуницию. Желток первым делом подошел к Разику, и давно не видевшиеся друзья крепко обнялись.

– С возвращением, брат! Ты молодец, не зря ездил за тридевять земель, все сделал как надо. Теперь мы его обязательно отыщем. Живого и невредимого.

– С недавних пор я тоже в это поверил. Она его любит. А любовь, как известно, способна творить чудеса. Вот если бы и меня так... – Разик не закончил фразы и лишь горестно вздохнул. – Ладно, пойдем в избу, тебе ведь тоже надо с дороги перекусить. Война – войной, а обед – по расписанию.

В этот момент раздался всплеск и оглушительный визг, на сей раз вполне радостный и счастливый. Очевидно, Катька и Джоана, вывалившись из парилки, плюхнулись в озеро остывать.

– Я так понимаю, что английская леди уже успешно прошла огонь и воду на Руси. Дай Бог ей дойти и до медных свадебных труб! – как всегда, полушутя-полусерьезно произнес Желток.

Но Джоану сегодня ждало еще одно испытание. Когда они с Катькой, разругавшиеся и невесомые, в белоснежных льняных платьях вплыли в трапезную, Разик шутливо подал сидящим за столом бойцам ту самую команду, какую подают при прибытии старших начальников:

– Братья-дружинники!

И бойцы вскочили, вытянулись в струнку, приветствуя красавиц. Внезапно Джоана слабо вскрикнула, отпрянула назад, к Катьке, судорожно вцепилась ей в руку.

– Что случилось, Джоаночка? – удивленная Катька ласково обняла девушку за плечи. – Мышь, что ли, увидала?

Но Джоана, не отвечая Катьке, смотрела в одну точку застывшим взглядом, затем едва выговорила сдавленным голосом:

– Кузен Гарри? Но ведь ты же погиб где-то в неведомых краях?!

– О Господи! – воскликнул Желток, первый понявший, в чем, собственно, дело. – Леди Джоана, я действительно ваш кузен, но совсем не Гарри. Гарри умер. Успокойтесь и садитесь к столу.

Теперь все присутствующие наконец догадались, что Желтка опять приняли за его дальнего английского родственника, удивительно на него похожего. Полгода назад это самое сходство, которым коварно и умело воспользовался противостоявший лешим Малюта Скуратов, нанесло им большой урон.

Присев к столу и выпив для успокоения две изрядные кружки квасу, принесенного из погреба, с ледника, Джоана кратко поведала дружинникам историю, которую они и так уже знали в общих чертах. Руку и сердце ее прабабушки по отцовской линии выиграл на рыцарском турнире некий иноземный принц. Как Джоана выяснила только вчера, этот принц был русским дружинником, прибывшим из этих самых мест, куда она сейчас приехала. Поскольку отец прабабушки был старшим в их графском роде, а его сыновья погибли, он завещал майорат мужу своей дочери, то есть русскому дружиннику. Другие – младшие – родичи были смертельно обижены таким решением, и время от времени некоторые Шелтоны, попав в стесненные обстоятельства, отправлялись за море, чтобы разыскать этого самого принца, вернее, его наследников, расправиться с ними и вернуть майорат, то есть титулы, земли, замки и доходы. Год или два назад и кузен Гарри, даже в собственной семье считавшийся отпетым злобным негодяем и мошенником, вышел в отставку из гвардейского полка, служить в котором было весьма накладно для его тощего

кошелька, поступил на службу в Форин Офис – министерство иностранных дел и стал разъезжать с посольствами по соседним странам, пытаясь обнаружить следы того самого принца, наследников которого он поклялся убить. В конце концов ему это, по-видимому, удалось.

– А как же умер кузен Гарри? – завершив свой рассказ, задала Джоана вполне естественный вопрос.

И Разик, и Желток, не говоря уж об остальных храбрых дружинниках, находившихся у них в подчинении, как по команде уставились на Катьку, переложив на хрупкие девичьи плечи всю тяжесть затруднительного ответа. Впрочем, нет, при чем тут девичьи плечи? Дружинники обратились за содействием к бойцу особой сотни, а то, что боец этот был сейчас не в черном берете, а в льняном белом платье – ну так это, вероятно, в целях маскировки, ибо у особников свои приемы.

Катька, естественно, не разочаровала дружинников и не запятнала честь мундира особой сотни, хотя и отсутствовавшего на ней в данный момент. Она возвела глаза к потолку, скорбно покачала головой и произнесла со вздохом:

– Кузен Гарри умер от угрызений совести.

– Да, именно так я себе и представляла вероятную кончину несчастного кузена, – в тон Катьке ответила Джоана.

На некоторое время повисла довольно неловкая пауза, но в этот момент с озера донесся голос дьякона Кирилла, подплывшего к причалу заимки:

– Эгей, бойцы, принимайте добычу!

Сидевшие за столом мужчины с готовностью вскочили и дружно ринулись на причал вдесятером, как будто готовясь притащить кита, загарпуненного дьяконом в Студеном море.

Кита, разумеется, не было, но в челне находилась полная корзина рыбы. Дьякон и вправду ездил просто на рыбалку, хотя рыба могла быть наловлена им и в целях конспирации, для сокрытия истинных причин поездки. Ведь про особников

никогда нельзя было что-либо утверждать наверняка.

Джоана с интересом рассматривала крупных серебристых рыб, которых бойцы вывалили из корзины на траву в стороне от причала и принялись потрошить и чистить, намереваясь приготовить уху. Разик с готовностью пояснил девушке названия этих самых рыб:

- Вот это - семга, по-вашему salmon, это - хариус, или grayling, а вот этой рыбы в Англии и в Шотландии, пожалуй, и нет. Называется она пелядь.

- Пи-лядь, - старательно повторила Джоана.

Разик хмыкнул, Катька хихикнула, бойцы переглянулись.

- Знаешь что, сестренка, - Катька изо всех сил пыталась придать лицу серьезное выражение. - Ты, пожалуй, название этой рыбы не запоминай. Все равно она редкая, и ее мало кто знает. Пойдем лучше со стола уберем, а то оставили еду да посуду. И вообще, пора нам собираться в путешествие, ибо завтра с восходом солнца поскачем мы в сопровождении добрых молодцев через леса и поля навстречу твоему жениху.

Лежанка была жесткой и узкой, спина от нее болела, эта боль отдавала где-то в груди, и никак не получалось сделать глубокий вдох. Михась попытался приподняться на локтях, вздохнуть полной грудью, повернуться на бок. Это ему удалось, хотя и не без труда. Он снова погрузился было в приятную дрему, но уже через минуту частично пробудившееся сознание яркой холодной вспышкой захлестнул вопрос: «Где я? Что со мной?»

Михась рывком вскочил с лавки, служившей ему ложем, и тут же, охнув, сел, вернее, почти упал на нее. Правый голеностоп был прихвачен лубком из толстой бересты, грудь перебинтована крест-накрест, на гудящей, невероятно тяжелой голове также находилась повязка. Что-то еще с головой было не так, как обычно, но Михась пока не мог понять, что же именно. Из молочно-белой и одновременно почему-то сумрачной пелены, клубившейся перед глазами, вышел человек, приблизился к нему. Михась плохо различал его силуэт, отчетливо разглядел лишь глаза. Взгляд этих глаз был проникновенный, умиротворяющий, и раненый дружинник почему-то сразу успокоился, расслабился, откинулся спиной к стене,

возле которой стояла лавка.

– Выпей-ка вот взвару лечебного, витязь! – Человек протянул ему кружку. – Сам удержишь, или тебе помочь?

– Сам, – едва разлепив сухие запекшиеся губы, шепотом выдохнул Михась.

Теплый взвар приятно освежил гортань, мягкой волной проник в желудок. Михась протянул пустую кружку в окружавшую его пелену, почувствовал, как ее забрали из подрагивающих от слабости пальцев.

– Еще?

– Да.

Он вновь поднес к губам наполненную кружку, движения его стали более уверенными. Сознание постепенно прояснялось, голова болела уже не так мучительно и безысходно.

– Где я?

– Ты в безопасности, сыне.

Пелена постепенно исчезала. Михась разглядел бревенчатые стены небольшой комнатенки, крохотное оконце, затянутое бычьим пузырем, печь, дощатый стол, на нем – толстую книгу в кожаном переплете, какой-то странный длинный предмет на полу у противоположной стены. Подняв голову, он увидел огонек лампадки под образами в красном углу. Образов было много, гораздо больше, чем могло бы быть в обычной крестьянской избе. Михась перевел взгляд влево, на стоящего возле него человека. Тот был одет в темную рясу, на его груди тускло поблескивал массивный медный крест, частично прикрытый длинной седой бородой. По-видимому, человек был довольно высок, поскольку стоял пригнувшись и при этом почти упирался головой в потолок. В руках он держал кувшин с целебным взваром.

– Я в монастыре? – хрипло, но уже не шепотом, а почти нормальным голосом спросил Михась.

- Ты в лесном ските, сыне.

- А где расположен этот лес?

Монах-отшельник ласково усмехнулся:

- Слава Богу, оживаешь постепенно, раз такие вопросы задаешь. В полусотне верст от Москвы расположена чащоба сия.

- Сколько часов я был без сознания? Меня должны вот-вот разыскать свои.

- Мы подобрали тебя в лесу месяц назад.

Михась минуту-другую пытался осознать сказанное собеседником. Наконец до него стал медленно доходить смысл его слов.

- Месяц?!

Он уронил голову, закрыл ладонями лицо и тут наконец понял, что еще было с ним не так. У него выросла борода, причем довольно большая. Ну, конечно, прошел целый месяц. На Руси бороду брили только дружинники Лесного Стана. Разумеется, люди, оказавшие ему помощь, ухаживавшие за ним, не собирались, в дополнение к прочим заботам о раненом, еще и орудовать бритвой, которой у них к тому же и в помине не было.

- Тебя уже искали. Через несколько дней после того, как мы тебя принесли сюда, в скит. По всем деревням окрестным несколько отрядов прошлись.

- Кто искал?

- Они все твоими друзьями сказывались. Только, - монах усмехнулся, - не поверил я им. Были среди этих друзей кое-какие личности, мне по прежней жизни знакомые. Меня-то они не признали в новом облике, а уж я-то их не забуду вовек.

- Кто они?

– Ну, скажем, Афонька Вяземский.

– Князь Афанасий Вяземский? – воскликнул Михась.

Он вспомнил берег той болотистой речушки, где их десяток встал в заслон, прикрывая отход отряда, и красавца князя, одного из главных царевых опричников, бывшего не только палачом-любителем, но и профессиональным опытным военачальником. Князь, укрывшись за спинами стрелецких шеренг, пригнувшись к шее белого аргамака, чтобы не попасть под мушкетные выстрелы леших, острием сабли гнал эти шеренги в атаку на позиции их десятка.

– Его русским князем и назвать-то срамно, несмотря на все его заслуги ратные! Имя ему – царев кромешник! И место ему в аду кромешном, из которого он на Русь многострадальную извергся вместе с прочей опричниной! – сурово, как приговор, произнес монах.

– А другие, на опричников не похожие, были?

– Были всякие. Но у них же на лбу не писано, кто друг, кто враг. И решил я, что если мне тебя выходить удастся, то ты уж сам и определишь впоследствии, к какому берегу пристать.

– А почему ты решил, отче, что меня выхаживать следует? Вдруг я тоже из опричников?

– Ты умирал беспомощный, вот я заботу о тебе на себя и принял по заповедям христианским. А кто ты есть в сущности – так в том Бог тебе судья.

– Спасибо, отче, что от смерти спас и от опричников укрыл. Это с ними я последний бой вел. Потому они меня и разыскивали.

– Надеюсь я все же, что бой тот был для тебя не последний. Уверен, что выздоровеешь ты с Божьей помощью.

Михась некоторое время сидел молча, приходя в себя, обдумывая ситуацию, в которой он оказался. Монах, понимая его состояние, отошел, чтобы не мешать, взял со стола фолиант, присел на лавку к оконцу, принялся читать. Долго

размышлять дружиннику было, собственно, не над чем. Дислокация ему была более-менее ясна, а вот диспозиция... Вариантов было всего два. Во-первых, рано или поздно его товарищи возобновят поиски. Дружинники тайного Лесного Стана никогда своих не бросали, ни живых, ни мертвых. Естественно, Михась не знал, что опричники симитировали его гибель, повесив чье-то обезображенное тело в обмундировании поморских дружинников у кремлевской стены. Во-вторых, если его поиски почему-либо затянутся, он, выздоровев и окрепнув, сам доберется до Лесного Стана, вернется в строй. Вот и все.

Михась глубоко вздохнул, допил остатки целебного настоя:

- Отче, ты, когда рассказывал о том, как меня из беды вызволял, говорил о спасителях «мы», во множественном числе. Много еще людей обо мне осведомлены?

- Нет, витязь, немного. Еще только один человек. Скоро с ним познакомишься.

- И еще один вопрос, если позволишь.

- Позволю, и не один. Долго нам тут с тобой еще предстоит беседовать.

- Это точно, - Михась с грустью оглядел повязки на ранах. - Скажи, отче, а как ты меня укрыть-то смог от тех опытных ищеек? Где-нибудь в лесу прятал?

- Да нет, под ложем моим отшельническим.

Монах указал рукой на тот самый странный предмет, находящийся возле противоположной от Михася стены, и леший наконец понял, что это гроб, стоящий на собственной крышке.

- Вот в гроб сей я каждую ночь и укладываюсь, о бренности земного бытия думая. Заслышав, что чужие люди с треском и шумом в скит по тропинке запутанной пробираются, я сам-то в гроб возлег, а тебя под крышкой, на коей он воздвигнут, укрыл. Зайдя в келью сию, оглядев ее пристально, не решились они ко гробу приблизиться. Так и ушли восвояси... А теперь имя твое мне узнать не мешало бы, если, конечно, в тайне его сохранить не захочешь. Надо ведь в беседах как-то называть тебя.

– Нет, отче, от тебя-то уж таиться мне не пристало. В дружине поморской боевые товарищи меня Михасем кличут.

– Значит, правильно я догадался, вынося тебя из чащобы почти бездыханного, что ты из поморских дружинников, о коих митрополит Филипп отзывался как о верных сынах отечества, – удовлетворенно кивнул монах. – Ну а меня зови отец Серафим.

– Спасибо, отец Серафим.

Михась, почувствовав слабость, вновь лег на лавку, застеленную лишь тонкой дерюжкой, и погрузился уже не в забытие, а во вполне здоровый сон. Когда он открыл глаза, уже вечерело. Отец Серафим по-прежнему сидел возле подслеповатого оконца, погруженный в чтение фолианта. Он поднял голову, ласково улыбнулся дружиннику.

– Ну, витязь, попробуй встать и пройтись на своих ногах, коли силы да желание есть. Я вон тебе костылек прислонил к лавке-то. Только не горячись, не прыгай как молодой петух, а ступай медленно да раздумчиво.

Михась сел на лавке, протянул руку, взял костыль, представлявший собой толстую ветку с развилкой на верхнем конце, обмотанной тряпицей. Затем он медленно, как ему и советовал монах, поднялся, опираясь на костыль дрожащей рукой. Его шатнуло, в ушах зазвенело тонко и протяжно, в глазах на миг потемнело. Но он стоял!

– Ничего, отец Серафим, прорвемся! – голос лешего звучал глухо, но твердо и уверенно.

Отец Серафим кивнул одобрительно, закрыл книгу, встал, подошел к низкой двери и широко распахнул ее перед дружинником. Михась крохотными шажками, припадая на прихваченную лубком раненую ногу, пошел к этой двери. Монах помог ему преодолеть порог, и дружинник очутился на свежем воздухе – крохотной поляне перед скитом. Он глубоко и радостно вдохнул полной грудью лесной воздух, обвел просветлевшим взглядом редкую желтую листву на ветвях кустов и берез, поднял взгляд и увидел небо. Сквозь серую пелену сплошных облаков над самыми кронами деревьев едва пробивался краешек солнца. Однако Михасю его свет показался нестерпимо ярким, он

невольно зажмурился, но тут же открыл глаза и еще раз повторил любимое присловье леших:

– Прорвемся!

На следующее утро он уже встал и пошел более уверенно, самостоятельно открыв дверь и перебравшись через довольно высокий порог. Михась наметил себе дистанцию в один круг по крохотной поляне и собирался ее преодолевать каждый день, постепенно увеличивая число кругов и скорость передвижения. А еще, сидя на лавке, он собирался тренировать плечи и кисти рук, мышцы спины и поясницы. Конечно, ему хотелось выложиться, рвануть как можно дальше и быстрее, через боль, через не могу, но Михась, всю жизнь занимавшийся физическими упражнениями и тренировками, не раз залечивавший различные травмы, прекрасно понимал, что гнать в такой ситуации нельзя, здесь нужны терпение и постепенность.

Он наматывал уже второй нелегкий и удручающе медленный круг, как вдруг его чуткое ухо уловило в привычных шорохах и голосах леса новый едва слышный посторонний звук. Михась замер, напрягся. По лесу шел человек, и его легкие уверенные шаги приближались к поляне, на которой стоял скит.

Михась что было сил заковылял к двери, буквально ввалился внутрь избушки, тяжело и прерывисто дыша, упал на лавку.

– Что случилось, витязь?

– Кто-то идет сюда по лесу, отче!

Отец Серафим захлопнул за дружинником дверь, задвинул засов, подошел к оконцу, встал возле него, напряженно всматриваясь сквозь мутный пузырь в опушку леса.

– Приготовься влезть под крышку гроба. Надеюсь, она вновь надежно укроет тебя от чужих глаз.

Несколько минут прошли в напряженной тишине.

– Что-то никого пока не видно. Не почудилось ли тебе, витязь?.. – с сомнением в голосе произнес было отец Серафим и вдруг воскликнул: – Да нет, все же прав ты. Гостья к нам пожаловала!

Он жестом успокоил Михася, собравшегося было заползти в упомянутое укрытие, отодвинул засов, отворил дверь. А затем обернулся, изумленно посмотрел на дружинника:

– Как же ты шаги-то ее за две сотни саженой расслышал?

Михась только пожал плечами:

– Вырос я в лесу, отче.

Девчонка даже не вошла, а впорхнула в дверь. По ее движениям, по радостному оживлению и веселой улыбке было видно, что она не шла, а бежала вприпрыжку. Очевидно, походы в скит были в ее жизни очень приятным и желанным событием. Она была совсем молоденькой, наверное лет семнадцати, невысокая, худенькая, с серыми глазищами и толстой русской косой, одетая в простенький сарафан из грубого сермяжного полотна. На голове у нее был повязан старенький платок, и обута она была отнюдь не в сапожки, а в лапотки. Но ее улыбка и бьющее через край ощущение полноты жизни заставили бы кого угодно невольно улыбнуться в ответ и почувствовать хотя бы на минуту, что и в этом мире все может быть прекрасно и замечательно.

Она принесла довольно большой узелок, но при виде Михася, стоящего посреди горницы, выронила его, всплеснула руками и воскликнула, обращаясь к монаху:

– Ой, отец Серафим! Он уже совсем живой! А ведь столько времени был как мертвый! Ты прямо чудесник, отче!

– Вместе выходили мы этого молодца, доченька! Имя его Михась, и он действительно поморский дружинник. Об этих народных заступниках слухи даже в нашу глушь дошли, – произнес монах тепло и ласково и обернулся к Михасю: – Вот и пришла твоя главная спасительница, витязь. А зовут ее Анюта.

Девушка почему-то засмушалась, зарделась, потом степенно поклонилась дружиннику, подняла глаза, посмотрела озорно и восторженно.

Михась машинальным жестом чуть было не поднес ладонь к голове, демонстрируя английское военно-морское приветствие, но задержал руку, приложил ее к груди, неловко поклонился по-русски:

– Спасибо, Анюта!

Ему почему-то стало вдруг неудобно перед девушкой и за свою бороду, и за хромоту и раны, и за дерюжные портки и рубаху вместо привычного ладного обмундирования. Михась с раннего детства привык ходить в военной форме лесной дружины, ставшей его второй кожей. Он лишь однажды ненадолго сменил эту форму, и то не на цивильное рублище, а на мундир морского пехотинца Ее Величества Королевы Англии. А сейчас он одет как чучело огородное и едва стоит, опершись на костыль. Какой уж там витязь и защитник! Только что готов был от малейшего шороха под крышку гроба заползать.

Впрочем, за свой внешний вид Михась переживал совершенно напрасно. Даже в посконной рубахе и портках, с поврежденной ногой, перебинтованной головой и грудью он выглядел стройным и подтянутым, представлял резкий контраст с деревенскими мужиками, либо согбенными ежедневным непосильным трудом, либо заработавшими какой ни на есть достаток и начавшими на радостях обжираться, отращивать себе брюхо. Конечно, и в селе, в котором жила Анюта, было множество красивых и сильных молодых парней, но они очень быстро уходили на заработки в города, поступали в ополчение или сбегали в казаки-разбойники.

Но главное для Анюты заключалось отнюдь не во внешности Михася, а в его глазах, добрых, умных и одновременно грустных. Таких глаз у окружавших ее людей Анюта не встречала. Ее односельчане обычно смотрели на окружающий мир затравленно и зло, или бесшабашно, безнадежно. И только монах-отшельник, отец Серафим, которому девушка носила пропитание раз в два-три дня по поручению их сельского священника, был похож выражением глаз на Михася. Анюта любила монаха, как родного отца, тем более что была сиротой и жила в семье тетки. Ее мать рано умерла от вечных трудов, непрерывных родов и недоедания. Отец ушел с ополчением на Берек, то есть на рубеж, проходящий по берегу Оки, и там сложил голову, отражая очередной набег крымцев на Русь. Из братьев и сестер также в живых не осталось никого. Все сгнули от болезней,

голода или пропали, уйдя из села в поисках лучшей доли. И только тетка, мамина сестра, решительная и энергичная, а главное – здоровая женщина, взяла сироту-племянницу батрачить в свое крепкое и обширное хозяйство. И на том спасибо, кусок хлеба у Анюты теперь был. Ну а родительский дом, старый и покосившийся, с дырявой крышей, достался ей в наследство. Никто из односельчан на него не позарился, и вовсе не оттого, что совесть не позволила обидеть сироту, а просто побрезговали развалюхой.

И жила Анюта в непрерывном тяжком труде, голоде, холоде и недосыпе, смиренно, по-христиански считая, что это и есть жизнь. Но около года тому назад сельский священник поручил ей ходить за семь верст, через чащу и болото, по еле различимой в ясный день звериной тропе в лесной скит, носить пропитание монаху-отшельнику, возносящему молитвы Господу во имя всех страждущих, в особенности – жителей ближайшего села. Вероятно, священник выбрал безропотную сироту в качестве исполнительницы этого чрезвычайно обременительного поручения вовсе не из духовных соображений. Любой другой просто послал бы батюшку куда подальше. Но вольно или невольно, а сей достойный пастырь сделал благое дело.

Отец Серафим после первой же короткой беседы с простой и скромной деревенской девушкой, проделавшей трудный путь к скиту и принесшей ему немудрящие добротные даяния, понял, что перед ним человек с тонкой и трепетной душой, пытливым и острым от природы умом, хотя и совершенно неразвитым. И монах, полюбивший эту чудную добрую и работающую девушку, как родную дочь, задался целью дать ей то единственное богатство, которым он обладал в нынешнем своем положении. Он принялся учить Анюту грамоте.

Как правильно с первого взгляда определил отец Серафим, девушка оказалась на редкость способной. И вскоре ей, не видевшей ничего, кроме своей деревни, скотного двора да сиротской жизни без любви и ласки, в священных книгах раскрылся мир иных людей, духовных исканий и поступков, подсказанных не только стремлением к сытости и теплу. И еще ей открылась история всего человечества, частицей коего, и не ничтожной, а не менее нужной Богу и людям, чем другие, она впервые ощутила и саму себя. Конечно, Анюта была бесконечно благодарна отцу Серафиму, открывшему ей этот новый и чудесный мир, в который она уносилась в своих мечтах, чтобы не сойти с ума от беспросветности повседневной жизни.

Отец Серафим был старцем с седой бородой и обликом иконописного святого. Естественно, Анюта не могла испытывать к нему иных чувств, чем духовное почтение и дочерняя любовь, а ее сердце подспудно жаждало любви настоящей. Она в самой глубине души верила, что рано или поздно со сверкающего облака к ней снизойдет былинный герой в богатырских доспехах и с улыбкой на устах уведет в свой справедливый и счастливый мир, описанный в книгах. И глядя на стройного и сильного, несмотря на раны, Михася, оказавшегося бойцом поморской дружины, которой народная молва приписывала многочисленные подвиги, совершенные при защите слабых и угнетенных, Анюта чувствовала, как у нее слегка начинает кружиться голова и сладко щемит в груди. Пусть даже появление Михася в глухой чащобе леса, по которому девушка ходила в скит, произошло совсем не так, как это представлялось ей в грезах.

В тот день Анюта шла привычной дорогой, преодолевая коварное болото, ловко и легко перепрыгивая с кочки на кочку. Отойдя далеко от постылой деревни, она выпрямила спину, расправила плечи, заулыбалась и даже принялась напевать вполголоса. Если бы ее в этот момент увидел любой из односельчан мужского пола, он поразился бы красоте этой девчонки, которую все привычно считали замухрышкой.

Внезапно девушке послышался слабый стон. Она на секунду остановилась, но затем продолжила свое движение. В лесу и на болоте раздавалось множество странных звуков, но Анюта никогда не пугалась их. В своей короткой жизни она уже твердо усвоила, что нужно бояться не лесных зверей, всегда сытых в конце лета, не теней и звуков, а только лишь живых людей, способных совершать зверские поступки. Но вскоре стон повторился более явственно и близко. Анюта перекрестилась и решительно двинулась в направлении этого звука, по-прежнему осторожно делая каждый шаг по опасному болоту. Перепрыгнув с очередной кочки на островок с сухой и твердой почвой, на котором росли кусты и несколько чахлых молодых елочек, она едва не споткнулась о лежащего в траве человека.

Анюта слабо вскрикнула, отпрянула в сторону и едва не упала, оступившись, в болотную жижу. Впрочем, вскрикнула она не от страха, а скорее от неожиданности. Человек был одет в странную серо-зеленую одежду, которая делала его едва различимым в траве. Хотя одеждой это назвать можно было лишь весьма условно, кафтан и шаровары были изодраны в лохмотья, которые великолепно сливались с травой и делали незаметным лежащего человека.

Потому она и не смогла вовремя разглядеть его, пока фактически на него не наступила.

Человек вновь застонал. Аня решительно наклонилась к нему, перевернула на спину. Странный серо-зеленый головной убор, напомилавший блин – слова «берет» Аня слыхом не слыхивала, – свалился с его залитой кровью головы. Грудь незнакомца также была в крови. При нем не было никакого оружия, лишь на кожаном ремне в простеньких ножнах висел небольшой и нестрашный с виду нож.

«Иноземец? Охотник? Заблудился в лесу, и его помял медведь?» – терялась в догадках Аня. В любом случае человек был жив, и ему требовалась помощь. Девушка огляделась по сторонам, запоминая место, поставила на землю свою корзинку, в которой она несла еду отцу Серафиму, и во всю прыть побежала к скиту, впрочем не теряя осмотрительности и по-прежнему внимательно выбирая путь по болоту.

Отец Серафим, выслушав сбивчивый рассказ запыхавшейся девушки, тут же отправился на болото, прихватив чистую холстину для перевязки, целебные снадобья, а также материал для носилок. Монах внимательно осмотрел незнакомца, с помощью Ани перевязал ему раны, предварительно осторожно сняв остатки обмундирования. Отец Серафим уже хотел было утопить изодранный, ни на что не годный кафтан в болоте, как вдруг резко выпрямился и произнес:

– Гляди-ка, дочка!

На плече кафтана почти полностью сохранилась нашивка, заляпанная грязью и кровью, на которой в черном бархатном круге скалила зубы желтая лесная рысь.

– Что это, отец Серафим?

– Мне сей знак известен, дочка, – задумчиво ответил монах. – Надобно жизнь этому витязю сохранить во что бы то ни стало, да так, чтобы ни одна живая душа о нем не проведала.

– Так он витязь? Княжич иноземный? – с затаенной надеждой спросила Аня.

– Пока точно не знаю. Ранения на нем похожи на пулевые и сабельные. И рысь эта на плече... По всему видать, что ему пришлось отбиваться от многочисленных и хорошо вооруженных врагов, а затем искать спасения в лесу.

– А тебе самому доводилось на рати биться, отче?

– Доводилось, дочка.

Монах срубил две небольшие сухие елочки, соорудил импровизированные носилки из веревок и своей старой рясы, которую он в холодные ночи пользовал вместо одеяла. Когда Анюта и отец Серафим принялись поднимать раненого на носилках, он, после перевязки затихший и переставший стонать, внезапно слабо дернулся и забормотал в горячечном бреду, не открывая глаз:

– Ребята, уходите, я вас прикрою, уведу их в лес!.. Зарядов, зарядов мало...

И еще произнес какую-то фразу на непонятном языке.

Монах сурово покачал головой.

– Вот видишь, оказывается, не жизнь свою он бегством в лес спасал, а товарищей в бою прикрывал, погоню от них уводил. Буду о здравии его молиться денно и ночью.

Михась, выслушав рассказ монаха о своем спасении, еще раз поклонился Анюте:

– Спасибо, милая девушка! И тебе спасибо за заботу, отче! – потом, помолчав и критически оглядев свое одеяние, добавил: – Так вот почему я в портках да рубахе, а не в обмундировании.

– Да уж, – усмехнулся отец Серафим. – Рубище твое воинское пришлось выбросить по причине его полной негодности. А вот сапоги, ремень да нож остались в целости, здесь, под печкой, припрятаны до поры до времени.

При этих словах монаха Анюта почувствовала некое неудобство и смущенно опустила глаза. Дело в том, что она тайком, ничего не сказав отцу Серафиму,

взяла себе на память странный головной убор спасенного ею незнакомца. Но ни Михась, ни тем более отец Серафим не стали выяснять судьбу исчезнувшего берета, и девушка вздохнула с некоторым облегчением.

Отец Серафим взглянул в подслеповатое окно на почти скрывшееся за лесом солнце.

– Ну что ж, дети мои, давайте-ка, молитву сотворив, потрапезничаем наконец все втроем за одним столом. Заодно и побеседуем. А то гость наш, свет Михась, целый месяц лежал тут, бесчувственный и бессловесный, с ложечки да из телячьей соски питаемый.

Стол в ските, естественно, отнюдь не ломился от яств. Лук да хлеб, репа да каша. Ну, и квас, конечно же. Но, к немалому удивлению Михася, Аня положила ему в деревянную миску изрядный кусок мяса, по виду и по вкусу – оленину.

– Так ты охотишься, отче? – озадаченно спросил дружинник. – И почему мясо только мне?

– Охотиться да мясо есть мне мой сан и схи́ма не позволяют. А мясо сие нам, вернее, тебе для укрепления сил Господь послал. Третьего дня недалече на опушке олененок молоденький застрял в буреломе да ноги переломал. Почти по-человечьи кричал и плакал, бедненький. Чтобы окончить мучения твари Божьей, пришлось его прирезать из жалости. Зато теперь для раненого бойца имеется должное пропитание. А нам с Аней хлеб да каша привычнее.

Но у Ани не было возможности сидеть и трапезничать в ските, в самом счастливом для нее месте на земле, в котором она чувствовала себя человеком. Девушка должна была до темноты выбраться из леса, вернуться в село, чтобы на завтра с первыми лучами солнца продолжить свой бесконечный батрацкий труд. Только зимой, когда хлебопашцы поневоле отдыхают, да еще по великим праздникам она могла оставаться в лесной избушке по несколько дней.

Аня поклонилась отцу Серафиму, получив в ответ ласковую улыбку и благословение, затем она, бросив на Михася красноречивый взгляд, не замеченный или не понятый дружинником, певучим красивым голосом произнесла:

– До свидания, Михась! Дай Бог тебе выздоровления скорейшего!

– До свидания, спасительница!

Михась, как истинный джентльмен, лейтенант королевской флагманской морской пехоты, хоть и отставной, попытался было встать из-за стола, чтобы распахнуть перед девушкой дверь, но его желание явно противоречило физическим возможностям. Анюта легко выпорхнула из избушки без посторонней помощи, а Михась неуклюже плюхнулся обратно на лавку.

Некоторое время дружинник и монах молча сидели за столом друг напротив друга. В сгущавшихся сумерках углы скита постепенно тонули в темноте, и все ярче разгорался огонек лампы под образами.

– Что ж, сыне, поговорим по душам, ежели силы хватит и потребность в беседе чувствуешь. Или все же лучше тебе прилечь да отдохнуть?

– Да належался я изрядно за месяц-то, отче! А беседа с тобой, моим спасителем, для меня и честь, и наилучшее лекарство.

– Хорошо, сыне. Начнем с того, что ведомо мне, хотя лишь в общих чертах и без подробностей, кто ты есть таков. Да-да, не удивляйся!

Монах встал, зашел за печь, в темноту, судя по звуку, отодвинул несколько кирпичей, достал сверток, положил на стол перед Михасем. Дружинник развернул тряпицу и обнаружил в ней свой поясной ремень и любимый боевой чухонский нож в ножнах. А еще там лежала черная бархатная нашивка с изображением рыси, знак принадлежности к дружине Лесного Стана, споротый с рукава его кафтана. Нашивку явно пытались отмыть от грязи и крови, но до конца этого сделать так и не удалось, силуэт рыси был не ярко-желтым, как раньше, а тусклым, серо-бурым.

– Сапоги твои я тебе потом отдам, – произнес монах, словно не замечая, каким взглядом Михась смотрел на свой боевой шеврон. – В этих местах в лаптях ходить следует, чтобы до поры до времени лишнего внимания не привлечь.

– Так что тебе про меня известно, отче? – Михась протянул руку, накрыл шеврон ладонью.

Голос его стал хриплым и суровым, он поднял голову, прямо и пристально взглянул в глаза монаху.

– Ведом мне знак сей. – Отец Серафим успокаивающим жестом положил свою ладонь поверх ладони дружинника. – Причем с давних еще времен... Хотя, как я тебе уже говорил, и во времена нынешние пастырь достойнейший, митрополит Филипп, намекал шепотом верным людям, что поморская дружина за Русь и народ русский радеет. Лица у тех дружинников бритые, на головах у них колпаки плоские, а на плечах знак нашит: рысь оскаленная.

– Так ты, отче, хоть и в ските живешь, имеешь сведения о том, что в мире дается?

– Ежемесячно, сыне, посещаю я близлежащий монастырь для духовных бесед и совместных молитв с братией. Там и узнаю я новости людские, важные для любого пастыря, даже уединенно пребывающего в лесном ските.

– Поведай, отче, что произошло знаменательного, пока я в беспмятстве лежал. И еще, не сочти за дерзость, расскажи мне, если возможно это, откуда и что именно тебе про дружину нашу известно.

– Первый раз о дружине вашей, носящей на плече нашивки с желтой рысью, мне отец мой рассказал. В те времена, когда великий князь Иван Третий Васильевич, дед нашего нынешнего государя, вступил в битву с Литвой, Польшей и Ливонским орденом за наши исконные вотчины на берегах моря Балтийского, служил мой родитель... Впрочем, сие неважно, ибо я, от мирской суеты отрекшись, вряд ли вправе гордиться родительскими чинами да заслугами. Служил он в ту пору в войске, возглавлял которое сам большой воевода, Даниил Васильевич Щеня, из рода князей Пронских. Слышал ли ты про такого, юноша?

– Слышал, – коротко ответил Михась, с малышоваго возраста бывший в учебном отряде Лесного Стана отличником не только в боевой, но и в теоретической подготовке.

– Ну, тогда не обессудь, коли повторю я в своем повествовании что-либо тебе известное.

– Рассказывай, отче. Репетиция эст матер студиорум.

Отец Серафим одобрительно кивнул:

– Приятно иметь дело с внимательным и образованным собеседником, к месту использующим иноземные изречения, понимающим, что повторение – мать учения. Правильно ли я латинскую фразу, тобой произнесенную, перевел?.. И так, полыхала в ту пору война на наших западных границах, проходящих всего в ста верстах от стольного града Москвы...

Все плотнее сгущался в тесном ските мрак наступившей ночи, все ярче горел огонек неугасимой лампадки под ликами святых на иконах, уже многие века благословлявших русских воинов на ратные подвиги.

Большой воевода Даниил Васильевич Щеня расхаживал по маленькому садику, примыкавшему к княжескому терему и отгороженному от остального обширного двора высоким забором. Садик этот был всего-то десять шагов в ширину, засажен несколькими яблоньками да шиповником, в центре его имелись лавочка и невысокие качели на резных столбиках, и предназначался он для гуляния княжон. Но хозяин, тверской князь, великодушно отвел сей уединенный уголок в распоряжение воеводы, нагрянувшего к нему в Тверь со всеми своими полками.

Когда воевода попросил князя разместить полки непосредственно в городе, по избам и сараям, в тесноте, жаре и пыли, князь, сам старый воин, был немало удивлен и предложил поставить воинский стан на обширных пригородных полях с сочной зеленой травой, ключевой водой и тенистыми березняками. «А ежели у тебя, воевода Даниил Васильевич, в шатрах для воинства недостаток имеется, так я тебе из своих запасов дам», – добавил он с ноткой превосходства ветерана над молодежью, стремительной, но неосновательной.

– Не надо шатров, – ответил Даниил Васильевич. – Не хочу я, княже, чтобы лазутчики ливонские численность моих полков пересчитали по пальцам. В городской толчее да сутолоке пушай себе гадают, сколько воинов со мной стоит, в расчетах путаются, да друг дружке в донесениях противоречат. Мне

именно то и надобно: не будут иметь вражеские воеводы точных сведений. Да к тому же они и сами решат, что войско у меня малое, ибо какой же дурак разместит большой отряд в тесном городе, а не в полевом лагере?

Десять шагов от забора до забора. И столько же обратно, естественно. Ждать и догонять – хуже некуда. Воевода хотел было подняться в терем, в отведенные ему покои, охраняемые крепкой стражей, взглянуть на карту военных действий, лежащую на столе. Но он и так помнил ее, видел во всех деталях, словно она лежала перед глазами.

Даниил Васильевич даже присел было на качели, доска которых была подвешена слишком низко, поскольку предназначалась эта забава для юных дев, неуклюже толкнулся согнутыми ногами, качнулся туда-сюда. Хорошо, что никто не видит! Он вскочил, подошел к калитке, свистнул особым образом.

Его стремянной, уже немолодой, но подвижный и сообразительный, явился незамедлительно, четко, по-военному, наклоном головы выразил готовность к выслушиванию и исполнению приказаний.

– Повторяю еще раз, на всякий случай. Как только явятся на городскую заставу дружинники поморские, люди из северных вотчин боярина Ропши, – ни о чем их не спрашивать, а вести немедленно ко мне! Впрочем, и спрашивать-то их бесполезно, ибо они ребята своеобразные, неразговорчивые. Отличить их легче легкого. Лица у всех по-бусурмански бритые, кафтаны – зелено-серые, на головах колпаки приплюснутые, как блин, плоские.

– Слушаюсь, воевода! Будет исполнено! – спокойно ответил стремянной на это уже в третий раз повторенное приказание и вздохнул про себя. «Что-то уж слишком обеспокоен Даниил свет Васильевич, раньше за ним такого не замечалось. Многожды одно и то же распоряжение никогда не отдавал», – подумал он.

А беспокойство большого воеводы, тщательно скрываемое им от окружающих, но замеченное некоторыми близкими людьми, старыми сослуживцами, имело под собой весьма существенное основание. Наконец-то Великий князь Московский и всея Руси Иван Третий Васильевич отдал приказ вернуть назад исконные русские земли, захваченные литовскими и польскими князьями да рыцарями Ливонского ордена, и вновь обеспечить Руси выход к Балтийскому

морю, на котором она стояла и торговала издревле. Держал великий князь, как водится, совет со своими воеводами и ближними боярами, обдумывая замысел на ведение военных действий. Много было подано разных советов и предложений, но великий князь утвердил стратегический план, разработанный молодым совсем воеводою, князем Даниилом Васильевичем Щеней. План был невиданный и неслыханный, нарушающий все воинские каноны, доселе незыблемые. Да и сам автор плана дерзкого, это если получится, или глупого, если провалится, по разрядным книгам и древним местническим обычаям должен был в Думе где-то в последних рядах молча сидеть и если и подавать голос, то лишь для одобрения речей, произносимых мужами более родовитыми.

Но великий князь одобрил план именно Даниила Щени, да еще и назначил его, вопреки местничеству, большим воеводой, возвысив над всеми князьями и боярами. И теперь многие обиженные желали не столько победы русскому оружию, сколько провала да срама этому выскочке.

А план Даниила Васильевича заключался в следующем. Все русское войско не собирается в один кулак, как это предписывает военная наука, а делится на четыре части. Три малых отряда и стратегический резерв. Три удара по Литве наносятся одновременно. Два отряда, предводительствуемые московскими воеводами, движутся на юг и на запад, начинают отбивать у неприятеля русские города и земли. В центре действует отряд князя Юрия Захарьина, он идет на Дрогобуж, начинает угрожать Смоленску. А сам воевода Щеня с основными силами находится в глубоком тылу. Первоначально малые отряды, вступившие в Литву, должны будут продвигаться без особого сопротивления. Население здесь исконно русское, оно будет их встречать не пищальными залпами, а скорее хлебом-солью, от Литвы откладываясь, возвращаться в подданство князя Московского и всея Руси.

Понятно, что вскоре после начала военных действий князь литовский Александр, видя перед собой малые и раздробленные неприятельские силы, соберет свое войско и начнет по всем канонам воинской науки громить поодиночке русские разрозненные отряды. Против столь малых сил большое литовское войско выступит уверенно, без должной осторожности, с чувством подавляющего превосходства. На этом и можно будет поймать врага, заманить его в ловушку. Вот тут-то и пойдет в дело стратегический резерв, полки большого воеводы Даниила Щени вступят неожиданно в решающее сражение, что позволит разом выиграть всю войну. Теперь бы только угадать наверняка, на какой из русских отрядов бросит литовский князь свою рать, обеспечить внезапность удара

основных сил и не просто отбить неприятельское войско, а уничтожить его полностью. Вот в чем заключался дерзкий план молодого воеводы, одобренный великим князем Иваном Васильевичем.

Понятно, что воевода переживал не только за себя, за свою воинскую и полководческую честь, но в первую очередь – за все великое дело, ему доверенное. По его расчетам прежде всего противник должен был озаботиться отражением угрозы Смоленску – стратегической крепости, узлу всей его обороны. И он ждал донесения от разведки, направленной им под Смоленск. Для этого была назначена особая поморская дружина.

Ранее, еще до назначения большим воеводой, Даниил Васильевич принимал участие в боевых действиях против Ливонского ордена на севере Руси. Там ему и пришлось воевать совместно с поморами. В отличие от многих князей и воевод, презиравших всех, кто по спискам Разрядного приказа имел более низкое место в военной иерархии, и не желавших обращать внимание на каких-то там поморов, Щеня очень быстро оценил боевые качества дружины. Хотя лешие действовали, как всегда, в основном самостоятельно, выполняя задачи разведывательного характера, а также совершая стремительные неожиданные маневры, нанося неприятелю удары во фланг и тыл, Щеня наладил с ними весьма тесное и эффективное взаимодействие. Конечно, ни о каком взаимодействии не могло бы идти и речи, если бы и начальники дружины Лесного Стана, в свою очередь, также не оценили бы талант, смелость и самоотверженность молодого московского воеводы.

В самостоятельных действиях дружины Лесного Стана не было ничего удивительного, ибо в те времена князья и воеводы были независимыми хозяевами своих уделов и своих полков, набранных в своих владениях, и весьма неохотно кому-либо подчинялись, ведя бесконечные местнические споры, выясняя, кто кого главней. Весьма редко удавалось достичь единства в русском войске. Только укрепляющаяся власть великого князя становилась организующим началом, сдерживающим время от времени боярскую вольницу. И Даниил Васильевич Щеня, поддерживая великого князя, презирал местничество и в первую очередь думал о пользе, которую должен принести отечеству, а не о собственной персоне. В общем, его взаимодействие с дружиной Лесного Стана, которым гнушались остальные воеводы, получилось весьма успешным.

Сейчас, фактически возглавив военные действия всего русского войска, Щеня первым делом призвал хорошо знакомых ему поморских дружинников, отведя им

весьма важную роль в исполнении своего плана.

Звякнула щеколда, заскрипела калитка. Воевода прервал свое монотонное движение по девичьему садику и резко обернулся. В сопровождении стремянного в садик вошел тот, кого Даниил Васильевич ожидал с таким нетерпением. Это был невысокий коренастый дружинник, одетый в серо-зеленый кафтан и такие же шаровары, на берете которого была нашита широкая косая полоса красного цвета, означающая для людей знающих, что дружинник сей имеет звание тысяцкого.

Коротким жестом велел стремянному удалиться, воевода крепко пожал руку дружиннику, пригласил садиться. Они опустились на лавочку, явно низковатую для взрослых мужчин.

– Докладывай, Свирь! – Даниил Васильевич назвал старого своего знакомого, тысяцкого поморской дружины, его боевым прозвищем.

– Полк Юрия Захарьина занял Дрогобуж. Скоро от него будет гонец. Мы его обогнали, срезали угол по полям да болотам. Князь Юрий уже двинулся, как ты и велел, по дороге на Смоленск, миновал Митьково поле, перешел речку Ведрошу, что прямо за полем в Днепр впадает, и встал лагерем за мостом. Моя дружина скрытно сосредоточилась в густом лесу, расположенном на левом фланге Митькова поля. На десять верст вокруг я выставил секреты, чтобы наблюдать за литовскими лазутчиками. И в Смоленск у меня разведчики посланы, с почтовыми голубями, взятыми с княжеского двора, – тысяцкий указал рукой на затейливую резную башенку голубятни, возвышавшуюся над забором и яблоньками. – Вскорости от них донесение прямо сюда должно прийти. Я на голубятне выставил парный караул из своих дружинников.

– Молодец, тысяцкий, все верно сделал. И про лазутчиков литовских хорошо сказал. Надо именно наблюдать за ними, но не трогать! Они должны убедиться в том, что в тылу отряда князя Юрия на двести верст, до самой Твери, наших войск нет и лишь в городе стоит мой малочисленный отряд. Сам-то я не прячусь, открыто по городу ежжу, а противнику известно, что место мое весьма скромное по разрядным спискам. И наши-то бояре не все верят, что меня великий князь большим воеводой назначил, а литовцы-то тем более решат, что я с второстепенным отрядом в городе сижу, тем более что людей моих, надежно укрытых по дворам и сараям, им сосчитать не удастся. Вот пусть и донесут литовские разведчики своему князю Александру, что на Смоленск лишь Юрий

Захарьин с одним полком идет... Квасу хочешь? – Воевода нагнулся, достал из-под лавочки, из густой травы запотевший глиняный жбан и расписной деревянный ковшик.

– Благодарствую, Даниил Васильевич, не откажусь, выпью с удовольствием!

Подождав, пока тысяцкий утолит жажду, Щеня продолжил:

– А теперь перейдем к главному. Как только князь литовский соберет свое войско в Смоленске, а я уверен, что он в первую очередь именно Смоленск защищать будет, и, надеясь на подавляющее превосходство, без опаски двинется на князя Юрия, о чем твои разведчики через голубиную почту нам сообщат, мы тут же должны из Твери выйти ускоренным маршем ему навстречу. Вся сложность в том, что от Смоленска до Митькова поля, где мы рати вражеской встречу готовим, семьдесят верст, а от Твери – двести. Но все же мы туда должны прийти чуть раньше. Какие соображения на сей счет имеешь, тысяцкий?

– В литовском войске пехота наемная, ландскнехты-латники с тяжелым вооружением, они на походе движутся медленно, не спеша. А куда им спешить? Жалованье-то помесечно начисляется! Будут они в день верст по пятнадцать проходить, не более! А наши-то в лаптях да налегке втрое больше как раз и прошагают!

– В общем-то правильно, и я так же думаю. А вдруг вражеский воевода, уверенный в полном своем превосходстве, прикажет пехоте тоже налегке маршировать, а латы да мечи с пиками за ними на телегах везти? Ведь они, зная, что наше войско далеко, нападения опасаться не будут!

– И это предусмотрено, воевода! У меня в распоряжении имеется не только моя тысяча, которую мы в своей дружине именуем Северной, ибо бьется она чаще с литовцами, ливонцами да шведами, но и сотня всадников из Южной тысячи, а они с крымцами в поле привыкли воевать. Лошадки у них резвые, монгольские, луки со стрелами имеются. Будут они малым числом налетать на литовское войско на походе, изображая одеждой и повадками ордынцев на русской службе. Подскочат мои дружинники к колонне, осыпят стрелами – и обратно в кусты. Ищи-свищи! Гоняться за ними никто не станет, ибо конница у литовцев тоже тяжелая, рыцарская, ее монгольские лошадки как стоячую обойдут. И

примутся литовцы отмахиваться от сих ложных ордынцев, как от комаров. Всерьез бояться их не будут, но опасаться станут, ведь стрелу-то в грудь никому не хочется получить. Вот и пойдет вражеская пехота не налегке, а в латах да с оружием, чтобы обнаглевшие степняки невзначай кого еще и саблями не порубали!

Литовский князь с похвальной быстротою собрал свое войско в Смоленске в единый кулак согласно канонам военной науки. Сорок тысяч отборной профессиональной пехоты и конницы, собранных не только из Литвы и Польши, но и практически со всей Европы под предводительством гетмана Острожского, воеводы храброго и умелого, тяжелой поступью двинулось по большой дороге на Дрогобуж, чтобы разгромить в пух и прах малочисленные разрозненные русские войска. Гетман, как и все опытные полководцы, большое значение придавал разведке. Он вел свои грозные силы отнюдь не вслепую, а видел глазами своих лазутчиков на сотню миль вперед. И там, впереди, находился лишь один обреченный русский полк, который гетман уничтожит атакой с ходу, даже не разворачивая полностью свои боевые порядки.

Правда, на марше их ожидал неприятный сюрприз. Несколько десятков ордынцев, очевидно русских наймитов, на своих низкорослых лошаденках нагло налетали из кустов и перелесков на стройные колонны пехоты и конницы, стреляли из луков и тут же пускались наутек. Гетман сделал суровое внушение начальнику разведки, проморгавшему этот неприятельский отряд, пусть даже малочисленный и неопасный, и приказал своим солдатам облачиться в броню и взять оружие на изготовку. Впрочем, профессионалы наемники из гетманского войска при первом же налете степняков принялись надевать на себя кирасы и шлемы без всякой дополнительной команды.

Как и рассчитывал гетман, полк Юрия Захарьина был смят и рассеян атакой с ходу. Литовское войско двинулось по свободной от неприятеля дороге к речке Ведроше, за которой лежало большое поле, а за ним – захваченный русскими Дрогобуж, который гетман и шел освобождать. Он допускал, что гарнизон, оставленный в Дрогобуже русскими, не станет отсиживаться за слабенькими укреплениями, а рискнет выйти в поле, навстречу его войску, истинной численности которого русские не могли себе и представить. Гетман уже хотел было отправить конную разведку искать броды через эту самую Ведрошу, как вдруг к нему прискакал начальник головного дозора с неожиданным известием. Оказывается, русские не удосужились даже разрушить мост через речку, он находится в целости и сохранности. Но по этому самому мосту только что

переправился небольшой отряд противника, который, по всей видимости, готовится вступить в бой со всем литовским войском!

Гетман весьма логично рассудил, что это и есть тот самый гарнизон Дрогобужа либо наиболее безмозглая его часть, кинувшаяся очертя голову без разведки на сорокатысячное войско. Ну что ж, эти русские получают то, что заслужили. Литовский полководец отдал приказ немедленно атаковать наглецов, уничтожить их, но взять при этом парочку языков, ибо цивилизованные военачальники никогда вслепую не воюют, а тщательно собирают и анализируют всевозможные данные о противнике.

Но русский заслон перед неразрушенным мостом стоял удивительно крепко. Головной литовский отряд атаковал его, красиво, как на ученьях, перестроившись из походной колонны в боевой порядок, но тут же откатился назад, встреченный дружными меткими залпами русских ручных пищалей. Удивленный неожиданной задержкой, гетман в окружении блестящей свиты вельможных панов и литовских витязей поскакал по дороге к мосту. Там он своими глазами убедился в том, что русские дерутся ожесточенно, умело и, несмотря на явное превосходство литовского войска, продолжавшего бесконечной колонной, сверкающей на солнце шелками знамен и сталью доспехов, вытягиваться из леса к реке, явно не собираются никуда бежать. Гетман приказал остановить колонну, развернуть пехотный полк и уничтожить явно свихнувшегося обреченного неприятеля.

Но противостоящий литовцам отряд леших – дружинников из Лесного Стана вступил в неравный бой отнюдь не из-за безрассудной лихости. Воевода Даниил Васильевич, совершив почти невероятный двухсотверстный марш быстрее, чем противник прошел семьдесят верст, все же немного не успел. Сейчас он расставлял войска на Митьковом поле, и ему нужно было еще около двух часов, чтобы завершить все приготовления. Он послал леших в заслон, приказав любой ценой задержать литовцев перед мостом на эти самые два часа. И дружинники выстояли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alekseev_ivan/zasechnaya-cherta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)